

ДМИТРИЙ БИЛИК

**ЗАСТЕНЕЦ
4**

Дмитрий Александрович Билик
Застенец 4
Серия «Застенец», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70278748

Аннотация

Как остановить войну, которая неизбежна? Как избавиться от Скверны, которая все больше заполняет тебя. И как найти свой Путь среди бесконечного множество чужих линий Судьбы? На эти вопросы придется ответить довольно скоро.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	51
Глава 5	64
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Дмитрий Билик

Застенец 4

Пролог

Руины некогда величественного города утонули в непроглядной синеве ночи. Холодные камни подслеповато взирали на своих обитателей. Казалось, двигались не они сами, а лишь их бесплотные тени, ибо существа не произносили ни звука.

Человек, случайно попавший сюда, мог бы принять их за призраков, хотя хозяева города были вполне осязаемы. И многие даже отдаленно походили на людей. Кто-то больше, кто-то меньше.

Вот только человек здесь не протянул бы и нескольких секунд. Во-первых, магия в здешних местах оказалась настолько сконцентрирована, сгущена, что единственный вдох недолго мог бы разорвать ему легкие.

Во-вторых, никто не мог попасть сюда извне без специального разрешения. Город был защищен пусть и старыми, но еще действующими заклинаниями. Их создали во время последней магической войны этого мира. Которая давно отгремела, оставив после себя лишь развесистые горькие плоды.

В-третьих, не прожил бы здесь человек и по более банальной причине. Обитатели здешнего места не дали бы ему этой простой возможности, разорвав на куски. Ибо город являлся столицей Падших. Если можно так выразиться о поселении существ, которым не нужны были ни крыша над головой, ни тепло очага, ни еда. Их питала лишь магия, которую они преобразовывали внутри себя в черную Скверну.

Однако именно сейчас Падшие замерли, стараясь слиться с теми самыми молчаливыми камнями разрушенных домов. Потому что чувствовали напряжение, повисшее в воздухе. Впервые за много лет на центральном холме у самого Владыки шел совет со всеми Генералами. Со всеми двумя, как правильно было говорить в последнее время.

Гигантский трон, созданный людьми много веков назад явно для будущих богов, почти не раздражал Владыку. Если переводить с языка Падших, это означало «нравился». Причина была проста. И заключалась она не в архитектурных изысках. По злой насмешке судьбы, трон оказался воздвигнут на месте сосредоточения силы этого мира. Кто знает, понимали ли это люди, строившие его здесь, или просто чувствовали присутствие нечто метафизического? Теперь это не имело значения.

Важно, что трон стал определенной реликвией, дающей силы каждому, кто находился подле него. Трон пережил все, включая разрушение дворца, в котором и был воздвигнут. И сейчас Владыка, создание странное, громоздкое и могуще-

ственное, сидел на нем, глядя не на Генералов, а в вечную черноту магической ночи.

– Надо закончить то, что не успел закончить Младший. И по возможности ускорить процесс преобразования.

Владыка произнес все злобно, шипя от ненависти. Впрочем, в этом не было какого-то особого смысла. Он всегда так говорил. Хотя говорил – немного не то слово. Рот, то место, которое люди называли ртом, не дернулся. Просто правитель Падших захотел, чтобы его слышали.

И его слышали.

– Младший всегда был слишком... человечен, – выплюнул последнее слово Средний. – Я сразу сказал, что он не готов.

Средний «говорил» вкрадчиво. Но каждое его слово отзывалось тысячей колких иголок.

– Утверждая, что он не готов, ты ставишь под сомнение мою волю.

Шипение медленно расплзлось по вершине холма, заполняя все пространство. Оно стало таким громким, насыщенным, что, казалось, не было больше звуков. Средний упал на колени, корчась от боли, а Владыка удовлетворенно перевел на него взгляд.

Он понимал, что каждый из них всеми фибрами своей оскверненной души желает занять его место. Так и должно было произойти. Он сам когда-то был Генералом, вонзившим нож в спину потерявшего хватку правителя. Только Ге-

нерал, признанный Падшими, может стать Владыкой. Бросить вызов в открытую или, что еще чаще, убить исподтишка.

Старшему хватало ума промолчать ранее. Еще бы, он был почти столь же древним существом, как и правитель. Именно в нем Владыка видел свою главную угрозу. Именно он являлся самым могущественным и талантливым предводителем армии Падших. Но теперь Старший заговорил.

– Правитель прав. Когда будет закончена главная база, мы можем начать вторжение. Но...

Он замолчал, испытующе глядя черными, как сама мгла, глазами на Владыку. Старший и сам понимал, что когда-нибудь сядет в это кресло. Только время для открытого противостояния еще не пришло. Он был не так силен и мудр, как этого требовали обстоятельства.

– Но кто тогда уничтожит мага?

– Если Великий поручит это мне...

Средний подал голос зря. Лесть не достигла ушей Владыки. И не только потому, что ушей у него давно не было. Генерал вновь скорчился от боли. Более того, отголоски ее почувствовал и Старший, однако, не дрогнул, вытерпел.

– Ты закончишь начатое Младшим, – произнес Владыка. – Но нам не нужен более плацдарм для вторжения. Нужны солдаты. Эти глупые людишки, сбежав из-под моего справедливого возмездия, открыли мне новый мир. Еще богаче и обширнее. Мир более подходящий для нашего внимания, как

стало понятно мне из опыта Проходов. Поэтому как только мы соберем все силы, то выступим. Падшие, как нас называют, поведут всех созданий этого мира, кого коснулась Скверна. Мы посеем смерть и откроем дверь для черной магии.

Владыка замолчал, довольный своей речью. Однако этот Старший не унимался.

– Маг!

– Ша...

Шипение заполнило холм не медленно, как прежде, оно рвануло вперед, опрокинув несчастных Генералов. Те корчились в муках под гневным взглядом Владыки.

Он ненавидел их так истово, как только мог. За слушание. За глупость. За то, что пришлось тратить на несчастных подданных так много силы, которая давалась ему уже не столь легко, как раньше.

В этом и была своеобразная безвыходность ситуации. Владыка мог удерживать свою власть за счет силы. Но чем могущественнее становились Генералы, тем более слабел правитель, пытаясь удержать их в своей власти. Пока все не прекращалось, и на трон не вступал новый Владыка.

Но по разумению правителя, в этот раз все могло выйти по-другому. Магия – паразит. Чем больше она пожирает, тем больше ее становится. И если вторжение в тот, третий мир, пройдет как надо, то силы будет невероятно много. И сам Владыка станет настолько могущественным, насколько это возможно.

– Маг – это не ваша забота, – услышали Генералы, когда шипение немного утихло. – Нет нужды бегать за ним, тратя силы и время. Настанет час, когда он сам придет к нам. Я чувствую неизбежность этого. Тогда вы его и уничтожите.

Два коротких кивка ознаменовали признание его власти. Генералы пока еще подчинялись ему.

Тени внизу холма двинулись, почувствовав изменение. Совет закончился.

Глава 1

Мир не перевернулся, не обрел новые краски и не потерял старые. Он вообще на удивление был тем же самым. Мир не изменился. Изменилось мое отношение к нему.

Старик Ирмер воспитал эфери. Даже если не произносить данную фразу вслух, то она все равно остается невероятной для восприятия. И теперь мне следовало найти этот кружок по интересам, чтобы задать парочку важных вопросов всемогущим созданиям.

Осталось только понять, с чего начать. Хотя тут все было относительно просто. Главное – ключ в жезле. Точнее, в том, что от него осталось. Но ведь не случайно Ирмер притащил его обратно, да еще оставил в сейфе? Значит какую-то ценность тот представляет. У меня были примерные соображения на этот счет, но лучше не бежать впереди паровоза и дожидаться, какой вердикт вынесет Протопопов.

А пока предстояло заниматься обыденными делами, как прежде. Будто ничего не случилось. В этом и была главная трудность. Вот живешь ты, ходишь на работу или учебу, а потом вдруг выясняется, что твой сосед, к примеру, древнее могущественное существо, умеющий творить всякую магию. И теперь каждый раз что-то внизу сжимается, когда он проходит мимо.

Помню, был какой-то прикол с сознанием, когда ты только

узнаешь какую-то информацию, и она начинает все время тебе попадаться. Как обычно бывает, это придумал какой-то немец¹. Хотя разве от них можно ожидать чего-то хорошего?

В общем, теперь на каждом углу я слышал разговоры то про покойного Ирмера, то про эфери, то про Падших. Словно весь Петербург только и ждал отмашки, чтобы начать болтать об этом.

Помог, как ни странно, футбол. Он всегда был моим единственным способом разгрузить мозги. Тебе плохо, грустно, скучно – выходишь на поле (в данном случае, паркет), бросаешь под ноги мяч, и погнажи.

К тому же я взялся за осуществление сложной цели – пытался научить моих балбесов тотальному футболу. То есть когда члены команды быстро меняются позициями ради сохранения мяча и продвижения его вперед. Получалось пока очень туго. Если Фима еще понимал, что когда полузащитник тащит мяч сам, то нападающему надо отскочить глубже для подстраховки, то Гриша искренне недоумевал, когда я кричал ему, что надо подниматься. Для защитника будто в

---

¹ Речь идет о феномене Баадера-Майнхоф. Он заключается в когнитивном искажении, при котором недавно узнанная информация, появляющаяся вновь спустя непродолжительный период времени, воспринимается как необычайно часто повторяющаяся. На самом деле эффект назван не в честь ученого. В 1994 г. в американскую ежедневную газету поступило письмо одного из читателей, который рассказывал, что его знакомый в течение нескольких суток услышал много раз о ранее неизвестной немецкой банде, во главе которой стояли Баадер и Майнхоф. После чего редакция газеты получила множество писем от людей, оказывавшихся в похожей ситуации.

центре поля была нарисована невидимая красная линия, которую нельзя пересекать.

Ну ничего, пусть я не Йохан Кройф², а мои балбесы не «Барселона», но своего добьюсь. Первый раз думать осознанно всегда тяжело. Шестеренки скрипят, мозги, привыкшие к вялому существованию, искренне не понимают, чего от них требуется, но постепенно начинают соображать. У меня было именно так.

Потому когда почти через неделю мы вышли из собственной защиты и забили гол в одно касание, я облегченно выдохнул. Значит, все же можно из поленьев делать не только Буратин, но и вполне неплохих футболистов. Надо будет как-нибудь связаться с тренером сборной России и рассказать про это.

А еще хорошо бы провести товарищеский матч. Да хоть с теми же «Пажами». Одна беда – им придется покупать футзалки, в бутсах здесь особо не побегаешь. С другой стороны, у дворян денег, как у дурака фантиков. Могут и раскошелиться.

Есть, правда, одна особенность. И заключается она в том, что непонятно, как скоро в следующий раз меня выдернут из этой мирной жизни. А то будет тебе, Коленька, и тотальный футбол, и товарищеский матч, и сытое спокойное существо-

---

² Хендрик Йоханнес (Йохан) Кройф – нападающий Нидерландов, трехкратный обладатель «Золотого мяча». Как тренер именно он ввел понятие «тотального футбола» и привил его «Барселоне».

вание.

Как там говорят: хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах? Произошло примерно подобное. Потому что едва я подумал о будущем, как на тренировке появился Протопопов. Человек, которого все ожидали увидеть здесь меньше всего, в отличие от меня. Надо отметить, что за прошедшие дни я не дергал Макара постоянными: «Скоро там уже?». Быстро только кошки родятся, как любил говорить наш тренер.

Но вот теперь, судя по всему, все и закончилось. По крайней мере, как только я кивнул Протопопову, тот кивнул в ответ. И мы друг друга поняли.

– Фима, ты за главного. Отработайте выход три в два. По очереди фланговые смещаются в центр, заканчивают с ударом со средней дистанции. Лиза, хватит кулаками отбивать, старайся ловить уже.

И добавил Макару:

– Поехали.

Снаружи стоял экипаж, на котором, по всей вероятности, и прибыл Макар. Молодец, предусмотрительно. Представляю, каких усилий стоило экономному простолюдину нанять повозку да еще заплатить за ожидание. С другой стороны, денег я ему выдал с лихвой. А в таких делах время действительно является драгоценным ресурсом.

– Получилось? – только и спросил я.

– Получилось.

Дальнейший разговор не заладился. Видимо, он не хотел говорить в присутствии извозчика, а я оказался погружен в собственные мысли. Если проще – то рисовал себе мрачные перспективы. Отчего-то казалось, что поход к эфери не будет легкой прогулкой.

Наше молчание компенсировал возчик, попавшийся на удивление веселый и говорливый.

– Вы, значит, и есть тот Ирмер-Куликов? – просиял он, на полном ходу обернувшись назад. – Который, стало быть, футболист, убивец тварей и любитель женщин?

Проклятый Максутов!

– Вроде того, – ответил я. – Смотрите, пожалуйста, за дорогой.

Возница послушался, правда, хватило его ненадолго.

– Я вас по заводу сразу распознал. Он же раньше князю Ирмеру принадлежал... Говорят, с Императором дружите?

– Ага, с детства, – хмыкнул я, решив не уточнять, с чьего именно.

– А правду говорят, что Император к застенцам опять уехал? – не уловил ноток сарказма тот. Вроде как зуб они на нас точат. Если не договоримся, то быть беде.

Чтобы договариваться, необходимо иметь нечто противоположной стороне нужное. Застенцы же хотели одного: чтобы магов не стало. Сказал я, разумеется, совершенно другое.

– Все хорошо будет.

– Тоже так думаю, – деловито согласился возчик. Помол-

чал и вновь поглядел на меня. – Важный Вы человек. Я вот, к слову, тоже всем этим боле для души занимаюсь. Так-то у меня лавка своя есть.

Я понимающе покивал. Миры разные, а извозчики одинаковые. Даже удивительно.

– Скажите, у вас брат в Самаре есть? – вкрадчиво спросил я.

– Нет, псковские мы. Знаете, как говорят, псковский да витебский – народ самый питерский.

На этом, слава Богу, разговор закончился. Потому я не услышал ни о местных стартапах, ни об инвестициях, ни о рекордных дивидендах, и вообще обо всем полезном. Хотя та же информация об Его Величестве настораживала. Не то чтобы я серьезно относился к сведениям таксистов, то есть, возчиков. Но если уже среди простого народа говорят о подобных вещах – положение дел тревожное.

Наконец мы оказались на месте. Несмотря на наличие лавки и восприятия данной деятельности не более, чем хобби, извозчик деньги забрал. Макар же открыл навесной замок и пригласил меня внутрь.

Сейчас Протопопов напоминал уверенного артефактора, будто тот только и занимался тем, что принимал клиентов для опознавания реликвий и зачарованных вещей. Он неторопливо достал отданные ему предметы и принялся рассказывать:

– Обычный артефакт, для прокладывания пути, – указал

Макар на обломок жезла. – Не понимаю, для чего именно такой формы и размеров. Скорее всего, либо очень старый, тогда каждый артефакт делали более изящным, чем практичным. Сейчас бы сотворили в виде компаса. Кстати, если найдешь остальные части, смогу даже починить. Иначе будет показывать с большой погрешностью.

Он небрежно отложил жезл, словно тот более не стоил его драгоценного внимания, тяжело вздохнул и взял своей «механической» рукой второй предмет.

– Редкая штука, – сказал он. – С ней большую часть времени и бился, Коля. Не буду спрашивать, откуда она у тебя. Скажу лишь, что второй такой во всей Империи не найдешь. Даже той Империи.

– И чем же эта штука редкая? – поинтересовался я.

– А ты послушай. С виду у нее самая обычная, как его, область применения, вот. Но если копнуть поглубже...

Вся привычная веселость слетела с Протопопова, как старая рассохшаяся краска при ударе по железу. Макар говорил очень вдумчиво, сосредоточенно. Я всегда замечал, что чтение книг оттачивает разум. Пусть эти книги даже по артефакторике.

И чем больше рассказывал Протопопов о том, что ему удалось выяснить, тем страшнее мне становилось. Что же за бомба у меня в руках оказалась?

– Получается, это нечто вроде сульфара?

– Нет, – замотал головой Макар. – Сульфар – самостоя-

тельная единица. Он может существовать без сосуда, в который был заключен. Этот артефакт работает лишь в связке с призвателем. Я даже не знаю, с прошлым призвателем или нынешним. Слишком сложная структура. Думаю, активировать артефакт легко, банальным всплеском силы. А вот сделать так, чтобы он не работал...

Протопопов замолчал, покусывая губы.

– Макар, не томи! Что надо сделать, чтобы его деактивировать? К примеру, чтобы передать другому магу?

– Нужно нечто вроде ключа. В чем он будет заключен – формы или заклинания, я не знаю. И вряд ли смогу узнать. Известно лишь изначальному владельцу или создателю.

– И чем дальше, тем будет хуже, так я понимаю? Каждый выплеск силы...

Я не договорил, не смог. А Протопопов лишь кивнул.

– У меня есть одна мысль, – после долгого молчания произнес Макар. – Возможно, это и не поможет, да и ингредиент очень редкий, но если не попробовать...

– Хватит тянуть кота за причинно-следственную связь! Рассказывай.

И Макар рассказал. Выходило все именно так, как он говорил. Хрен где достанешь, да еще за очень дорого. С другой стороны, выбора у меня не было. Надо как-то избавиться от этой штуки.

– Скажи, а если я ее оставлю где-нибудь?

– Не поможет, – помотал головой Макар. – Вы связаны.

Вот ты около недели назад силу выплескивал? Скажем, часов в десять вечера?

Я судорожно кивнул. Да, именно тогда и удалось открыть дневник. Протопопов кивнул в ответ.

– Он мерцал, – заметил Макар. – То есть, работал.

– Я тебя услышал, – артефакты оказались у меня в мешке. Пусть второй носить рядом и хотелось сейчас меньше всего. – Если получится все достать, то скажу.

Я вышел наружу и поежился на холодном самарском ветру. Хотя пробрало до костей, скорее всего, совсем из-за другого. От осознания, что меня вновь использовали для какой-то своей грязной игры. Причем настолько искусно, что даже сомнения не возникло в подставе. С каждым применением магии артефакт будет срабатывать. Для чего? Ответ был простой и мне он очень не нравился.

На этот раз я решил не рефлексировать и не думать, что же теперь делать. Если обстоятельства ставят в известную всем позицию, то лучше выпрямиться, а не ждать, когда кто-нибудь похлопает тебя по спине. А он похлопает. Именно для этого тебя и скрючили.

Домой я пришел как ни в чем не бывало. Отужинал, слушая про то, какая Лада умница, и как ее Илларион скоро пристроит в дом к одному купцу на услужение. Я отметил, что это очень хорошая идея. А в душе жутко посочувствовал тому купцу.

Пал Палыч увлеченно жрал, будто ощущал приближение

темных времен и старался максимально быстро к ним подготовиться. Ну да, на такой жировой массе несколько месяцев он легко протянет.

Тетя Маша мелькала электровеником, накладывая добавку, обжигаясь о горячий противень, подливая чаю. Меня больше всего удивляло, что сила внутри нее стала расходоваться более экономно, что ли. Что было само по себе странно. И это при том, что тетя до сих пор выглядела выше всяких похвал.

Мне всегда казалось, что магия в инородном теле ведет себя как вода в дырявом ведре. То есть постепенно убывает. С какой именно скоростью – у каждого проявляется индивидуально. У того же Будочника после истощения магия вообще не держалась. Будто в решето вливаешь. А вот у тети...

Словно некая прореха, сквозь которую утекали силы, зарубцевалась. И дар стал приживаться. Я мысленно плевал через левое плечо и стучал по дереву, чтобы не сглазить, ибо это был лучший сценарий из возможных. Даже если меня не станет, а этого нельзя исключать, то тетя сможет жить среди магов дальше.

Когда все разбрелись по комнатам, я долго лежал одетым в постели и ждал. Ловил каждый звук в утихающем доме. А когда замолчал Пал Палыч, я поднялся на ноги, взял все нужное и выбрался наружу.

До дома Миши Хромого добежал легкой трусцой. После ужина, пусть и неплотного (я знал, что мне предстоит) – за-

нятие малоприятное. Однако деваться некуда.

Я уже почти вывернул в переулок, когда кулон на груди обжег кожу. Интересненько! Что это мне угрожает на улицах Петербурга? Вряд ли здесь иномирные твари.

Можно, конечно, накинуть Невидимость и осмотреться вокруг, но я вспомнил про артефакт. Чем меньше я выплескиваю дара, тем лучше. Понятно, что совсем не использовать магию не получится. Я теперь без нее как без рук. Но зачем применять заклинание второго ранга, если можно ограничиться четвертым?

Поэтому я создал форму Глаза и влил в нее силу. Забавно, будто очки надел, о которых все мальчишки с детства мечтали. Ну те самые окуляры, с помощью которых можно на людей без одежды смотреть. Только я сейчас глядел сквозь стены. И таки обнаружил веселую парочку соглядатаев моего доброго друга МаксUTOва в одном из домов.

Ну да, выход из города у меня только один – через кьярда. Если я возьму его, значит, отправлюсь либо за Стену, либо в другой мир. И об этом тотчас же доложат. А потом появится вопрос, за каким чертом ты бегал к Ситникову, когда новая партия защитных артефактов еще не готова?

Ситуация. Только господа не учли одного. Любой футболист помимо упертого характера имеет крепкие ноги. Два очень важные качества для длительных путешествий, когда твое ездовое животное нельзя использовать. Поэтому я тихонько отошел подальше от конюшни, вытащил Перчатку и

влил в нее дар.

Мир магов встретил меня густыми зарослями кустарника. М-да, крепкие ноги – это хорошо. А крепкие ноги вкупе с мачете – еще лучше. Я создал форму Сабли, взмахнул несколько раз и расчистил проход. После сотворил Компас. Не хватало еще заблудиться, находясь вблизи крепости.

Да, без Васьки пришлось тяжело. Будто после постоянной езды на машине перешел на общественный транспорт. Который, к тому же, еще и работает с большими задержками.

Я медленно побрел в нужном направлении, ругая про себя и МаксUTOва, и его соглядатаев, и кустарники вокруг. Самое забавное, что злоба будто бы придала сил. Словно даже второе дыхание открылось. Земля точно сама прыгала под сапоги, не было привычной забитости в ногах, а голова на удивление прояснилась. Сейчас не существовало никаких полутонов, лишь белое и черное, абсолютное зло и абсолютное добро.

И то время, которое, по моему разумению, пришлось потратить на блуждание по околосоамарским лесам, пролетело на удивление быстро. Вскоре я выбрался к деревянному частоколу крепости, у главных северных ворот которой горел огонь.

– Падший!

– Тревога!

– За князем беги!

Вот ведь паникеры, чтоб их. Хотя про князя это они здо-

рово придумали. Я поднял руки и громко, чтобы все услышали, прокричал.

– Свои. Это Ирмер-Куликов.

Их крики превратились в осторожное перешептывание. Пришлось даже подсветить себя заклинанием, после чего меня наконец признали.

– Вот же Вы горазды пугать, Ваше Благородие.

– Любите в потемках ходить.

– Так получилось, – приблизился я к открывающимся воротам.

Отворили их, кстати, до прибытия князя. Видимо, мой кредит доверия теперь необычайно высок. Осталась лишь самая малость – не растратить его.

Я присел на камень, освещенный многочисленными факелами, и стал ожидать князя. Можно было бы, конечно, пойти навстречу, однако существовал риск разминуться. К тому же Ситников, несмотря на свои годы, чрезвычайно легок на подъем. Пройдет не более десяти минут, как он будет тут.

Так и случилось. Генерал-губернатор прискакал на запряженном жеребце, в наспех надетом мундире, даже верхние пуговицы не застегнул. Ловко спрыгнул на землю и цепко ошупал меня.

– Живой? – только и спросил он. – Здоровый?

– Живой. По поводу здоровый вопрос открытый.

– Рассказывай, что случилось?

– Если коротко, Владимир Георгиевич, мне нужна одна

вещь, которая есть только у вас.

Глава 2

Через час мы уже сидели в кабинете у Ситникова, молча попивая обжигающе горячий чай со смородиновым вареньем. Наливку генерал-губернатор даже предлагать не стал.

Ситников громко прихлебывал из блюда, задумчиво глядя на меня. Я тоже не торопился продолжить разговор. Все, что хотел сказать – уже сказал. Добавлять что-то, лишь портить. Не умалять же, в конце концов, авторитет генерал-губернатора.

– Вообще, это возможно, – наконец процедил он.

Чем несказанно окрылил меня. В какой-то момент я уже подумал, что это была откровенно дрянная идея. Хотя расслабляться рано. Я это прочитал на хмуром лице Ситникова.

– Сейчас будет «но»? – спросил я.

– Почему же? Пусть будет «однако»... Однако, что я имею с этого?

– Я буду Вам должен, Владимир Георгиевич.

Генерал-губернатор скривился, словно я сказал ужасную пошлость. И самому было понятно, что предложение для потенциального инвестора в меня так себе.

– А если с тобой, Николай, что случится? – спросил генерал-губернатор. – Я ценю твою искренность. Хотя в данном случае ты поступил довольно опрометчиво. Даже слишком. Глупо раскрывать все карты, когда до конца игры еще дале-

ко.

– Никому нельзя доверять, в том числе Вам, так?

– Именно, – ткнул в меня пальцем Ситников, как в нерадивого ученика, который после многочисленных попыток наконец-то назвал правильный ответ.

Он налил себе еще чая в блюдце, но пить не стал, недовольно отодвинув посуду. Похоже, я испортил ночной аппетит генерал-губернатору.

– Мне не нравится, что я тебе говорю. Но даже сейчас я должен думать об интересах Самары в первую очередь.

– Хоть кто-то думает о ее интересах, – пошутил я. Правда, иронию Ситников не оценил. – Не томите, Владимир Георгиевич. Вы же уже все решили.

– Грубо, – шумно вздохнул собеседник, – но по делу. Давай так: ты помогаешь нам, а я отдаю тебе то, что ты просишь?

– Довольно справедливо, – кивнул я, хотя сам понял, что придется пользоваться силой. Потому под ложечкой тревожно засосало. – Вам надо что-то достать из моего мира?

– Скорее, убрать из нашего. Понимаешь, верстах в сорока вниз по Волге Падшие разбили лагерь. Скверные ребята, скажу тебе по секрету. Другие что обычно делают? Собирают силы и нападают. У них действия простые и прямые, как лом. А эти будто что-то замышляют.

– Не пробовали их убивать? – выдал я гениальную мысль.

– Пробовали. Два раза собирали отряд, так они... прячут-

ся. Ты представляешь?

– Какие-то странные Падшие. И, наверное, они дают странный мед, – задумчиво пробормотал я.

– Какой мед?

– Это я так, вспомнил кое-что. Но если Падшие не нападают, может, черт с ними?

– Тревожно, когда знаешь, что есть гнойник на теле. Лучше не ждать, когда тот воспалится, а сразу срезать. Понимаешь?

– Понимаю. Хорошо, я согласен. Мне нужно время. Скажем, день-другой для подготовки. Еще лошадь и сопровождение до места.

– А как же кьярд твой? Неужто случилось с ним чего?

– На штрафстоянке кьярд. В смысле, без него пока обойдусь.

– Пусть так, – не стал настаивать Ситников.

– Тогда я пойду.

– В ночь? Может, хоть утра подождешь?

– Нет, с недавних пор ночь – моя самая любимая пора. Да и к утру мне домой надо вернуться.

Мы пожали руки и попрощались, хотя Ситников до самых ворот казался ужасно виноватым. Вот странность: разбудил его я, а чувствует себя не в своей тарелке он.

Вообще, я даже в чем-то понимал генерал-губернатора. И не обижался. Ему действительно нужно думать о своих подопечных, а не о маге-одиночке, который завтра может сго-

реть без остатка. Как там Ситников говорил? Все друг друга используют. Хотя это можно назвать взаимовыгодным сотрудничеством. Не будет так жестко звучать.

Пробираться по сырому лесу обратно мне понравилось намного меньше. Теперь уже никакого второго дыхания и в помине не было. Как и злости. Лишь легкая усталость. С другой стороны, если шастать полночи по иным мирам, поиному и быть не могло.

С помощью Компаса я все же добрался до нужного места. Правда, то ли от задумчивости, то ли из-за рассеянности, все же допустил небольшую ошибку. И вместо улицы выбрался с помощью Перчатки в коридор чужого дома. Уже знакомого своими дурацкими занавесками и граммофонной музыкой. Зараза, опять?!

Тихо, как мышка, я выскользнул из борделя и, конечно, столкнулся с прохожими. Какими-то пьяненькими мужиками, которые окинули любопытными взглядами мой мундир и тут же протрезвели. Я даже в какой-то момент забеспокоился, а потом плюнул. Чем хороша плохая репутация – хуже она уже вряд ли станет.

До дома добрался без особых приключений, прокрался к себе в спальню и сделал самую роковую ошибку – завалился спать. Наверное, лучше бы не ложился, потому что подняла тетя Маша меня с трудом. Я с усилием разлепил веки и поглядел на нее. Соображалось тяжело и больно. А ведь сегодня эта чугунная голова мне еще понадобится.

– Колюся, ты не заболел? Может, пропустишь лицей?

Я не стал шутить, что и так там в последнее время являюсь редким гостем. А если сегодняшней разговор с Зейфартом пройдет так, как я задумал, то и вовсе ходить перестану.

– Нет, сегодня надо. Важные уроки. Контрольная еще.

С враньем, как с катанием с горки – если начал, то уже трудно остановиться. Правда, тетя поверила.

Усилием воли встал, умылся и даже вяло поковырял еду. На завтрак у нас была яичница, на обед намечался сложный разговор с директором, а на ужин – подвиг. Главное – ничего не перепутать.

По дороге в лицей я все же задремал, даже потряхивание на брусчатке не помогло. И надо сказать, приехал в состоянии хрустала, который отправили Почтой России, забыв написать слова «Хрупкое» и «Не кантовать».

– Здорово, Коль, ты не заболел? – приветствовал меня Протопопов.

– Это самый популярный вопрос сегодня, – зевнул я в ответ. – Маги же, вроде, не болеют.

– Болеют, – возразил Горчаков. – В период ослабления дара или при состоянии, близком к опустошению. Такое надобно знать, экзамены скоро на повышение. Или вы так и хотите дальше с «нулевками» сидеть?

Я сначала открыл рот, чтобы произнести что-то едкое, но передумал. С Ильей нужно поаккуратнее. Если он наступил на мозоль занудности, то лучше его не раззадоривать и со

всем соглашаться. Правда, за меня вступился Протопопов.

– Чушь. Можешь хоть все учебники выучить, но если уж заклинания завалишь, то в этом классе и останешься. А сдашь аттестацию на пятый ранг, то даже если пары слов связать не сможешь, все равно переведут. Так что не зубри, нам это ни к чему.

– Ладно, будет вам. Развели демагогию на ровном месте. Ты, Лиза, чего молчишь? – обернулся к Дмитриевой. – Можешь тоже сказать, что я выгляжу очень плохо. Разрешаю и на правду не обижаюсь.

Однако Лиза не ответила, при этом буквально буравя меня взглядом. Кстати, вот кто сегодня был более чем странным, так это она. Даже на мое замечание не отреагировала.

– Добрый день, лицеисты, – вошел в класс преподаватель. – Ничего себе, у нас сегодня присутствуют все? Надо же.

Они сговорились все, что ли? Ладно, мели Емеля, твоя неделя. Вот поговорю с Зейфартом и...

Крепкая рука схватила меня за предплечье. Все-таки, что дает футбол. Стиснула конечность Лиза совсем не как девочка. Еще чуть-чуть и синяки останутся.

– Ты чего? – улыбнулся я, однако слова застряли в горле. Потому что в меня уперлась пара белых, будто слепых глаз.

– Если пойдешь, то обратного пути уже не будет, – чуть хриловатым, точно даже чужим голосом произнесла Дмитриева. Хотя Дмитриева ли?

– Ты о чем вообще?

– Сейчас ты еще можешь остаться собой, но когда пересечешь черту, все изменится. И придется делать очень сложный выбор. Занимать сторону!

– Эй там, на галерке, я понимаю, что вы, наверное, все знаете, – сердито заметил преподаватель. – Но можете хотя бы потише?

Забавно, однако реплика учителя вывела Лизу из состояния транса. Сначала она захлопала своими прекрасными глазами, и сразу испуганно отдернула руку.

– Ты чего? – шепнул я.

– Ничего, – торопливо ответила она. – В смысле, я не знаю. Как-то само вышло.

– Елизавета Павловна, Вам бы к Вестникам, – официальным голосом произнес я. – Там бы от тебя больше толку было.

– Не хочу я к Вестникам, – насупилась Дмитриева.

– А чего же ты хочешь?

– Стать магом. Самым обычным, рядовым магом.

Угу, скажешь кому в застенном мире – они поржут. Рядовым обычным магом. Может, и станет, конечно, кто его знает. Вот только я понимал еще кое-что. Глупо зарывать талант в песок. Тем более такой редкий. Это как талантливого распасовщика заставлять играть центрального защитника. Но говорить Дмитриевой я ничего не стал. Умная взрослая девочка, сама разберется.

Несколько уроков я отсидел с трудом. Точнее, как раз сидение у меня выходило с великой легкостью. Проблема заключалась в том, что оно плавно перетекало в лежание с последующим засыпанием и громким сопением. Поэтому Лизе приходилось частенько пихать меня локтем в бок. Ну что я поделаю, если организм так устроен: при получении невероятной интересной информации тут же тянет зевнуть и смежить веки.

Дождавшись большой перемены я поспешил к кабинету директора. К тому моменту Зейфарт уже точно должен был прийти на службу. Правда, перед этим я забежал в туалет, умылся и привел себя в относительный порядок. На мгновение даже голова прояснилась.

К моему удовольствию, Зейфарт оказался на месте. На призывный стук он ответил своим спокойным: «Входите», и вскоре я очутился в кабинете.

– Добрый день, господин подпоручик.

Я даже обернулся, подумав, что со мной вошел кто-то еще. Только после вспомнил: это же я подпоручик. Нет, все-таки ночью надо спать чуть больше, чем пару часов.

– Здравствуйте, Ваше Превосходительство. Я пришел к Вам по одному важному вопросу.

– А других у Вас и не бывает, ведь так?

Зейфарт спросил вроде с некоторой издевкой, однако в глазах его читалась вселенская усталость. На меня, кстати, в последнее время так многие реагируют. Ну, да ладно, пора

переходить к делу.

– Я хотел бы перевестись на экстернатное обучение для сдачи полугодовых аттестационных экзаменов на повышение ранга.

Зейфарт молча рассматривал меня, не скрывая иронии. Как грубо и наспех слепленную статуэтку, которая вдруг заговорила.

– Я хочу Вас огорчить, господин Ирмер-Куликов, но весь ваш курс ждет полугодовой экзамен, причем совсем скоро.

– Да, для проверки на седьмой ранг. Я говорю совершенно о другом. Мне нужно время, чтобы дополнительно подготовиться для сдачи экзамена на второй ранг.

Эх, жалко, что магия превращает телефоны в черные бесполезные кирпичи. Я бы притащил свой смартфон и снял сейчас Зейфарта. Мне на мгновение даже показалось, что его кудри выпрямились от удивления.

– В-в-второй ранг? – растерянно пробормотал он.

– Да, Взор, Невидимость, Трансформация, Призрак, Шепот. Нужно подготовиться, чтобы продемонстрировать отличное владение любым из этих заклинаний. Обучение по программе для «нулевок» довольно сильно отвлекает.

Бил я сейчас точно и наверняка. Еще давно, когда мы только изучали дворянские магические семьи, то я обратил внимание на упоминания. К примеру, Горчаков Сергей (папаша Ильи) – сдал выпускной лицейский экзамен на пятый ранг, Орлов Павел – сдал лицейский экзамен на шестой ранг

и т. д. То есть вся информация была в открытом доступе. Вот я и заинтересовался.

Выходило, что третий ранг после окончания лицея – это прям потолок для любого выпускника. Да и «троек» за все время было не сказать чтобы много. А тут я взял и зашел с козырей. Зейфарту таких плюшек отсыпят накануне надвигающейся войны – за полгода из нулевки «двойку» сделал. Глядишь, может, и действительного тайного советника дадут. В такое беспокойное время возвыситься чрезвычайно легко.

Видимо, господин директор подумал так же, потому что решил оказать мне всяческую поддержку. В доступной ему форме.

– Вы правы, Николай, составленная учебная программа для подготовительной группы вряд ли может помочь Вам в достижении этой цели. У меня встречное предложение: я могу собрать педагогический консилиум, чтобы следить за успехами и направлять Вас в нужное русло.

М-да, заставь директора Богу молиться, он тебе и «Основы религии» в школу введет. Мне подобный финт ушами категорически не подходил.

– Спасибо, Ваше Превосходительство, но сейчас горячая пора, все готовятся в экзамену на повышение. Я не имею морального права отнимать преподавателей у остальных кадетов. К тому же... – поспешил добавить я, заметив, что Зейфарт открыл рот, чтобы высказать очередное возражение. –

Скажу Вам по секрету, я уже достиг определенных успехов. И все, что мне сейчас требуется – уединение и концентрация для оттачивания мастерства.

Судя по задумчивому взгляду Федора Григорьевича в нем явно боролись ангел с демоном. Один твердил, что с этим Ирмером-Куликовым всегда жди беды, а другой без устали повторял лишь два слова: «Второй ранг!». И нужное мне трансцендентальное существо победило.

– Хорошо, Николай, я подготовлю документы о Вашем экстернате и предупрежу всех преподавателей.

– Еще одна просьба, Ваше Превосходительство, лучше будет, чтобы все пока осталось между нами. Хотелось бы максимально обезопасить себя от давления. Представляете, выхожу я на экзамен, а комиссия ждет заклинаний второго ранга. Это здорово нервирует. Думаю, если моя аттестация станет сюрпризом для всех, так будет даже эффективнее.

Надо сказать, я жутко рисковал. Тут как в азартной игре, слишком увлечешься блефом – продуешь всю партию. Главную ставку я делал на честолюбие Зейфарта. Нет, вряд ли Федор Григорьевич хотел стать каким-нибудь министром просвещения или личным советником Императора. Он вообще на удивление находился на своем месте. Однако лицеист второго ранга, вышедший из-под его начала – это уровень. После такого успеха директора точно впишут золотыми буквами... а куда в подобных случаях вписывают? В общем, думаю, где-нибудь отыщут местечко.

– Хорошо, – после длительных размышлений согласился Зейфарт. – Надеюсь, Вы честны со мной?

– Предельно, – соврал я, не моргнув и глазом. И в доказательство взмахнул рукой, создавая Глыбу.

Постоял немного в виде крохотной горы в кабинете директора, а после разрушил форму, вернув себе прежнее тело. По ошалевшим глазам Федора Григорьевича я понял: представление удалось.

– Заклинания третьего ранга мне даются уже без особого труда, – объяснил я. – Над вторым рангом нужно еще работать. Так мы договорились, Ваше Превосходительство?

– Конечно, – закивал Зейфарт.

Основное дело сделано. Теперь за прогулы никто не спросит. Не хотелось бы, чтобы тот же Максудов задал вопрос: «А чем это ты таким, Николай, интересным занимаешься, что учебу игнорируешь?». В ближайшее время до него информация не дойдет, уж Зейфарт об этом позаботится. А если и дойдет, то мое оправдание веское. Я ведь действительно сильно вырос в последнее время. Мне нужно думать о спасении собственного тела, а не об учебе.

Но главное – нынешние походы в Самару останутся в тайне. А это немаловажно.

Мы даже руки пожали. После чего я с чувством выполненного долга вышел из кабинета. Заглянул на минуту в столовую, чтобы предупредить друзей, что отправляюсь на вольные хлеба, но с одним условием – об этом не трепаться. А

после уже поехал домой. Еще столько дел! И самое главное из них – сон.

Вообще, раньше я не понимал этих взрослых людей, которые дремлют днем. Та же тетя, когда еще подрабатывала, могла завалиться придавить диван на полчаса, а потом встать как ни в чем не бывало. Я обычно просыпался разбитый и потерянный.

Теперь же обеденный сон на удивление придал сил. Хотя разбудила меня тетя Маша часа через четыре.

– Сам просил, – сказала она. – У тебя же тренировка.

– Точно, спасибо, – вскочил я. – Кушать не буду. Кстати, тетя Маш, я сегодня у Горчакова останусь ночевать. Который одноклассник, ну, ты его видела. Худой такой. Нам там задали по лицу доклад, будем готовить.

В моем мире отмазка работала не всегда. Зависело от настроения тети. Иногда я нарывался на «у тебя что, своего дома нет?».

– Раньше бы я сказала, чтобы никакой выпивки и девочек, но судя по тому, как у тебя тут все складывается, может, возьмете чего в трактире и позовете кого-нибудь?

Я чуть не закашлялся. Везет тебе, тетя Маш, живешь в информационном пузыре. А то бы доброжелатели быстро объяснили, чем славится Ирмер-Куликов. Пусть и весьма необоснованно.

– Один раз повеселишься, потом вдруг жениться придется, дети, крест на карьере и все такое. Давай лучше мы про-

сто к докладу подготовимся?

– Зануда, – бросила тетя, выходя из комнаты.

Ты даже не знаешь, сколько у меня приключений в жизни. Намного больше, чем хотелось бы. Я со вздохом собрал вещмешок со всем необходимым и спустился вниз. Теперь на тренировку, и с чистой совестью в Самару. Соломку я везде подстелил, могу завтра хоть до обеда не появляться. А подвиг сам себя не совершит.

Глава 3

О чем я пожалел, когда шагал по темному лесу к крепости, что не поел нормально после тренировки. Теперь желудок весело прилипал к позвоночнику, намекая на опрометчивость моего решения.

Всякий воспитанный молодой человек из аристократов мучался бы до утра, пока его бы не позвали на завтрак. Мне повезло. Я был из обычной пролетарской семьи, где отдельных вилок для поедания рыбы не существовало, а дичь разрывали руками. Поэтому как только добрался до Самары (опять разбудив несчастного Ситникова), тут же намекнул, что хорошо бы мне немного поесть с дороги. Так завуалированно и сказал:

– Владимир Георгиевич, я не ужинал и жутко голоден.

Генерал-губернатор, как человек сообразительный, намек понял. Поэтому наспех собрал стол, за который я с удовольствием сел.

Говорят, что наедаться на ночь вредно. По мне, намного вреднее ложиться спать натощак. После подобного гарантированы кошмары, плохой сон и вовсе не благородные урчания в животе, которые способны разбудить соседей.

Пока я ел, мы обговорили детали. Ситников выделил мне четырех сопровождающих во главе с уже знакомым Кандраевым. Признаться, я даже обрадовался этому. Поручик мне

направился. Несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, он был довольно неплохим магом. И что самое главное – опытным.

Выходить договорились на рассвете, чтобы не бродить в потемках. Что мне было только на руку. Я намеревался к обеду вернуться домой, пока тетя меня не хватилась. Поговорили еще о всяких мелочах, затем Ситников, убедившись, что я наелся, отвел меня в комнату и сам отправился на боковую.

Забавно, но несмотря на грядущее сложное испытание, новую обстановку и совершенно уничтоженный режим, заснул я практически сразу. И не просыпался до самого утра. К слову, утра довольно условного. Потому что, судя по сумеркам, рассвет еще не наступил, но Ситников был настроен серьезно.

– Надо пить чай и выступать, – распорядился он.

Так и сделали. Снаружи нас уже ожидали дюжие молодцы, в форме, с усами и волевыми взглядами. Таких можно видеть на черно-белых фотографиях начала XX века. На их фоне низенький Кандраев смотрелся довольно комично. Несмотря на мороз, все стояли по стойке смирно. Один я тут мелко дрожал.

– Господин поручик, – улыбнулся я, наплевав на этикет и обняв Кандраева. – Рад видеть Вас в добром здравии.

Тот не отстранился, но будто бы обиженно посмотрел на собственные погоны. Я проводил его взгляд и все понял. Вместо трех звездочек там теперь красовалось четыре.

– Прошу прощения, господин штабс-капитан, на приметил сразу.

– Я гляжу, подпоручик, ты тоже времени зря не терял, – наконец улыбнулся Кандраев.

– Ну будет вам, – сурово оборвал Ситников. – Сначала дело сделайте, а потом хоть в уста лобызайтесь. Кандраев, головой за него отвечаешь. Николай, ты тоже понапрасну людей не подставляй. У каждого тут семья, да и магов у меня наперечет. Все, поезжайте, я пойду хоть подремлю еще пару часов. У меня от твоих ночных визитов мигрень разыгралась.

Ко мне подвели гнедого жеребца, на которого я забрался без всяких промедлений. После кьярда, который мог унести хоть в небо, хоть ускакать по реке, обычный конь не казался каким-то уж невероятным испытанием.

Мы выехали за пределы крепости и, вытянувшись цепью, порысили в сторону лагеря Падших. Разве что Кандраев держался рядом, рассказывая последние новости.

– Генерал-губернатор меня сразу после ранения к званию и представил. Хотя казалось бы, за что? Это же ты нас спас.

– Не прибедняйтесь, господи штабс-капитан. Мы просто сделали все, что было в наших силах.

– Может, так оно и есть, конечно. Теперь я в «летучем отряде». Но работы не особо много. Даже проявить себя не представляется возможным. Падшие будто пережидают чего.

– Или готовятся.

– Или так, – согласился Кандраев. – Вот генерал-губернатор и нервничает. Привык, что нас тут и в хвост, и в гриву... То есть...

– Я понял, – спас я штабс-капитана от лингвистического тупика. – Поэтому нас и отправил тех Падших уничтожить.

– Отправить-то отправил, но что в этот раз изменится? Сколько уж раз ездили, да только не хотят они с нами воевать. Все дальше уходят.

– Ну, раньше меня с вами не было. Не поверите, господин штабс-капитан, я обладаю невероятным умением обращать на себя внимание иномирных существ.

– Не самое лучшее умение, – покачал головой Кандраев.

– Согласен.

Вообще, для меня это тоже оказалось определенным вопросом. Обычно с Падшими взаимодействие было отточено до мелочей. Я бы даже составил его по следующей схеме: встреча – знакомство – возникновение взаимной неприязни – уничтожение. А что делать с теми, кто не то что знакомиться, даже встречаться не хочет? Вопрос.

Через несколько часов возник еще один пункт, требующий внимания. Если бы я вел дневник, то в описании этого дня обозначил его как «задница». Причем, в самом прямом смысле.

Оказалось, что путешествие на Ваське и монотонная езда на обычном жеребце – две большие задницы. То есть разни-

цы. В последнем случае эту самую задницу я отбил. И теперь с ужасом думал не о встрече с Падшими, а что придется возвращаться обратно тем же способом.

Правда, довольно скоро Кандраев вновь подъехал ко мне и пояснил, что осталось недолго. И действительно, за очередным поворотом нашему вниманию открылась крохотная деревушка прямо на берегу реки. Судя по царившему здесь кавардаку: разломанным лодкам, развороченным дверям, спутанным сетям и бурым пятнам на крыльцах, пережившая нападение.

– Разлом? – спросил я.

– Да, давно еще. Мы и думать про деревушку забыли. А потом один из разведчиков случайно здесь Падших увидел. Доложил в крепость. Когда сюда «летучий отряд» прибыл, уже никого не нашли.

– Может, и не было никаких Падших? Показалось ему.

– Были. После в округе несколько раз их видели.

– Зашибись, – тихо произнес я.

И в первый раз пожалел, что не взял с собой Ваську. Да, нельзя было, конечно. Тут я вроде все сделал правильно. Но сейчас бы махом прочесал с воздуха местность, обнаружил Падших, и до свидания. Да вообще, на все про все ушел бы час-полтора. И трястись обратно в седле не пришлось. Ладно, что-то я бегу впереди паровоза. Чтобы трястись в седле и дальше отбивать задницу, нужно сначала найти тех, кто не хочет найтись.

С невероятным удовольствием я слез и прошелся по деревне. Прямо как детектив, пытающийся что-то обнаружить на месте преступления. Правда, лупы с собой не было. Скорее всего, именно из-за этого обстоятельства ничего найти не удалось. Ну ладно, вопрос на засыпку. Что такое у меня в кармане, начинается на «о»? Правильный ответ: «Опа, магия!». А что во втором кармане, на «ы»? Верно: «ыще, магия».

Я даже примерное представление имел, что именно сейчас надо сделать. Собственно, мне давно хотелось объединить два этих заклинания, да просто поводов не подворачивалось. И вот, наконец, повезло. Осталось лишь на ходу придумать, как соединить две формы, если одно заклинание второго ранга, а другое – четвертого.

Тут меня постигла правда жизни. До сих пор все как-то легко давалось, видимо, срабатывала природная везучесть. Но всей магической науке, на постижение которой у других уходили годы, я обучился за недели. Не будь я просто невероятно сообразительным, то подумал бы, что так может какой-нибудь герой фильма или книги. Радовало, что про обычного самарского подростка, ни разу не ветерана всех войн, бывалого выживальщика, нобелевского лауреата и повелителя мира, вряд ли кто станет в здравом уме писать.

Сейчас формы легли корявенько, будто вышли из-под кривого трафарета. Я даже на ходу доделывал их, закругляя края, «спаивая» или отрезая лишние линии, потому что

часть силы уходила через них. А следом уже поглядел на новое заклинание – Глазовый Взор или Взираемый Глаз.

По идее, я должен был смотреть сквозь деревья и «заглядывать» в души всех, кто попадет в область применения заклинания. И не могу сказать, что не получилось, но результат был примерно такой же, как просмотр фильма на старо-белом телевизоре с плохим сигналом. По сути, я еле различал какие-то тени сквозь потоки «белого шума».

Ну, конечно, нельзя что-то невероятно крутое сделать наспех. Но если у тебя все же получается, ты гений. В подобном меня упрекнуть никто не мог.

При всем при этом я пытался всматриваться в еле различимые тени. Понятно, что находились они далеко, однако с чего-то надо начинать. В этом плане местная всемирная катастрофа, когда все население планеты стало стремиться к нулю, мне значительно помогла.

– Оставайтесь здесь, – кинул я магам, – скоро вернусь.

Даже повернулся к ним на мгновение и чуть не ослеп от разноцветных ярких аур. Может, дело было в расстоянии, или еще и в том, что душа обычного человека и Падшего – это две большие разницы.

Кандраев с компанией не стали спорить, а я тем временем поперся напрямую через лес к заветным «теньям». Приходилось то и дело работать с уменьшением выплеска силы, чтобы не врезаться куда-нибудь. Это походило на переключение двух разных программ при работе на компьютере. Одновре-

менно я мог видеть лишь одну из них.

Чего я боялся больше всего – что «тени» драпанут тотчас, как только меня почувствуют. А они почувствуют, это точно. Не зря же еще ни разу не попались, уходя от многочисленных карательных отрядов магов. Что тогда?

Конечно, в арсенале высших заклинаний имеется Полет. Вот только с ним было примерно так же, как с ездой на машине для новичка в плотном потоке. Требовалась предельная концентрация и, по возможности, практика. Пусть даже у меня получится подняться в воздух и не рухнуть сразу, разmozжив себе голову. Но ловко маневрировать и двигаться в нужном направлении вряд ли удастся. Что тогда?

Существовал вариант бежать. Конечно, это будет то еще зрелище. Молодой маг пытается догнать удирающих Падших. Смотреть без регистрации и смс.

Однако чем дальше я заходил, чем явственнее становились «тени», оттесняя своими фигурами «белый шум», тем яснее приходило понимание – никто никуда убежать не собирается. На мгновение даже стало как-то не по себе. Что если это ловушка? Скажем, сюда закинули тошкенов именно с целью разозлить самарцев. Чтобы они нашли универсальное оружие, способное уничтожить вторженцев. Но на практике подобное действие имело одну цель – это самое универсальное оружие нейтрализовать.

Нет, я не являюсь поклонником «Рен ТВ». И в планетарные заговоры масонов не верю. Разве что по поводу репти-

лоидов у меня имеются небольшие сомнения. Потому что вряд ли наша географичка была с Земли. Но сейчас какое-то нехорошее предчувствие кольнуло в груди. Я нащупал кулон, но тот оставался холодным. Угу, мне не угрожает опасность и все идет по плану, так?

Маги находились на значительном отдалении. Их ауры уже были не такими яркими, но все еще различались. Если их позвать, те прискачут довольно скоро. Однако не уйдут ли Падшие?

Словно почувствовав мое колебание, тошкены пришли в движение. Они стали медленно удаляться, будто бы даже оглядываясь на меня. Мол, что ты сделаешь?

А я что? Торопливо отправился за ними, почти не оборачиваясь и стараясь не отставать. Внутри разгоралась знакомая злость, от которой кровь забурлила в венах. Стойте, заразы! Я ведь все равно вас догоню!

Стоило это подумать, как Падшие встали. Вот так просто? Парни реагируют на мысленное управление? Эх, сейчас бы свежесжатого апельсинового сока! Нет, не реагируют. По крайней мере, никто из них не метнулся к ближайшему магазину.

Но они стали меня ждать. Это я теперь ощущал явственно, то и дело трогая «испорченный» кулон. «Тени» походили на жирно нарисованные тушью фигуры на грязной бумаге. А я в какой-то момент скинул форму новообразованного заклинания. Теперь я ощущал присутствие Падших буквально

но кожей, для этого даже не было необходимости пытаться «просканировать» местность.

Здесь можно переиначить знакомую поговорку – ты то, что ты ешь. С магией работало так же. Я убивал Падших, соответственно, поглотил крохотную (очень хотелось бы надеяться, что именно крохотную) часть их силы. Поэтому и ощущал тошкенов. А они меня. Будто однополярные заряды. С той лишь разницей, что мы могли подойти друг к другу.

Когда лес расступился, я вышел на небольшую поляну, заросшую лопухами. Если честно, эти сложноцветные очень могут помочь, потому что мандражировал я знатно. Даже колени подрагивали. А вот пятеро Падших, замерших в ожидании меня, выглядели очень спокойно. С другой стороны, как им еще выглядеть?

Судя по неплохо сохранившимся лицам, они стали тошкенами не так давно. Правда, в сроках я мог плавать. Но из всех встреченных Падших эти походили на людей больше всего. Даже одежда сохранилась, двое были в гражданских мундирах, трое в военной форме.

Мы замерли, глядя друг на друга. Почти как герои вестернов Дикого Запада, занесшие руки над кобурой. Вот дернется кто-нибудь и...

Мои ладошки вспотели. Все-таки я первый раз оказался наедине с пятью Падшими. Нет, варианты были. Та же самая Бездна. Я чувствовал, что мне вполне по силам применить ее. Расстояние тут плевое, даже слишком напрягаться

не придется. К тому же это заклинание я уже применял, следовательно, шансы на успех повышаются.

Но что-то было не так. Именно поэтому я не торопился уничтожать этих уродов. Нет, сейчас еще не уродов, ими они станут через много лет, когда пропустят сквозь себя множество черной магии. Но суть в другом. Меня останавливало чувство неправильности. Так бывает, когда совершаешь нечто и понимаешь, что так быть не должно.

Бред какой-то! Да, реальный мир довольно странное место, порой противоречивое. Черное здесь может быть с десятками оттенков, как и белое. Но сейчас-то что думать? Это тошкены, оскверняющие само понятие магии. Я же, напротив, колдун на другом конце этого спектра. Мы враги!

По вискам потекла струйка пота. Сердце бешено стучало, челюсть болела от нестерпимого сдавливания. А внутри разгорался огонь жгучей злости. Дар мощным потоком бурлил во мне, грозясь излиться наружу. Только и ожидая едва уловимого знака, который можно будет считать за отмашку.

И именно в этот момент Падшие изумили меня. Казалось, что теперь вообще вряд ли что-то может удивить в этом мире. Но у этих ребят получилось.

Не сговариваясь, не издавая ни звука, Падшие стали медленно опускаться на колени, прижимая ребро правой ладони к голове.

Несколько секунд назад мне казалось, что мы готовы разорвать друг друга на части, а теперь мы очутились еще в более

странном положении. Они стоят на коленях, прижимают руку к голове, а своими черными взглядами прожигают землю у моих ног.

– Вы это... вы чего? – решил я, что самое время наладить коммуникацию.

На мгновение показалось, что подул легкий ветер. Северный, с кладбища. Постепенно пришло понимание, что на своих крыльях он принес тихий повторяющийся шепот разноголосий.

– Принимаем твою волю.

– Принимаем твою волю.

– Принимаем...

– Встаньте! – приказал я. И Падшие повиновались.

От фантастичности происходящего по спине пробежали мурашки. Меня только что послушались тошкены? Что это было?

Я даже ущипнул себя, проверяя, не сон ли? Боль почувствовал, след на руке остался. Блин!

Теперь уничтожить их стало еще сложнее. Это как зарезать поросенка, который ест из твоих рук.

– Что вы тут делаете? – спросил я.

На этот раз многоголосия не было. Тошкены неторопливо поглядели на одного из своих, а тот ответил, не разжимая губ.

– Живем.

Его ответ жутко разозлил меня.

– Живете! Жить могут лишь живые!.. Сюр какой-то. Почему вы меня слушаете?

И вновь поднялся ветер.

– Принимаем твою волю!

– Принимаем твою волю!

– Каши, видимо, мы с вами не сварим. Мне кажется, что я об этом жутко пожалею, но... Но вам надо уйти.

– Принимаем твою волю!

– Принимаем твою волю!

– Принимаем твою волю!

– Уходите подальше отсюда, чтобы больше не пересекаться с людьми. Чтобы они вас больше не видели. И еще кое-что. Вытяните правую руку.

Падшие послушно выполнили мое требование, заставив внутри опять все сжаться.

Я создал Лезвие и довольно ловко провел им между тошкенов. На землю от каждого Падшего упал указательный палец. Как я и думал, боли они не почувствовали. Маленький бонус быть мертвым. Ну если их состояние можно таким назвать. Я поднял трофеи и повторил еще раз.

– Уходите. Идите и не оборачивайтесь.

Обжигающий своим холодом ветер вновь принес мне слова про принятие воли. А затем Падшие стали медленно удаляться, оставляя меня в легком состоянии шока. Я до сих пор не понимал, что именно сейчас произошло.

Глава 4

– Вот, – выложил я на стол перед Ситниковым указательные пальцы Падших.

– Предупреждать надо, – сморщился генерал-губернатор, отодвигая чашку чая. – Я же ем.

Я пожал плечами. Пришлось бы долго ждать. В этом смысле Ситников был почти как Винни-Пух – всегда не прочь немного подкрепиться.

– Почему пальцы? – спросил он.

– Я решил, что нет смысла тащить сюда сульфары. Все равно потом придется от них избавляться.

– Это да, – согласился генерал-губернатор. – Ну ладно, убери отсюда эту гадость. И садись, в ногах правды нет.

– В заднице тоже правды немного, да и насиделся уж.

Собственно, вместо ягодиц у меня сейчас был один сплошной синяк. Потому я и отказался от предложения.

– Как нашел их?

– Соединил пару заклинаний высшей магии. Вышло не сказать чтобы блестяще, но сработало. Эти Падшие вас больше не беспокоят.

– Все поражаюсь, Николай, как у тебя все ладно всегда выходит. Люди над проблемой могут несколько месяцев биться, а ты приходишь, раз – и готово.

– Может, все дело в том, что над проблемой надо не бить-

ся, а решать ее, – пожал я плечами. – Люди любят все невероятно усложнять.

– Без этого никуда, – согласился Ситников. – Был у меня подпоручик один. Удивительной способности человек. Любое дело мог на неделю растянуть. А если с похмелья или настроения дурного, то и на две.

– И случилось с ним в итоге нечто нехорошее?

– Да как раз нет. Проворовался, его на каторгу сослали, а после он там женился, да и остался в одной соседней деревне. Повезло дураку.

Мы замолчали, каждый сделав свой вывод. К тому же я не был намерен продолжать беседу вот еще по какому поводу – наш диалог все дальше отделял меня от конечной цели.

Генерал-губернатор был опытным и мудрым мужиком. Потому мой настрой сразу угадал.

– Ну, не смотри ты сычом. Ситников свое слово помнит и отказываться от него не собирается.

Он полез в карман и выудил оттуда небольшой кристалл в тонкой металлической окантовке. Сверху в ней оказалось просверлено крохотное отверстие, видимо, чтобы Осадило можно было носить на шее. Однако цепочки или шнурка я не обнаружил. Сам кристалл, в отличие от мутноватой белизны сульфара, был полностью прозрачным. Я бы даже выделил эту удивительную чистоту.

– В дальней камере у нас висело, – стал рассказывать Ситников, катая Осадило на ладони. – Не бог вещь какой силы,

но шагов на пять вокруг берет. Хватит тебе?

– Более чем, – ответил я.

– Пользуйся тогда, – протянул он руку.

– У меня к Вам еще одна просьба, Владимир Георгиевич...

Ситников нахмурился, видимо, у него наступала стадия интоксикации Ирмер-Куликовым, однако меня выслушал. И даже без всякого колебания согласился, поднявшись на ноги.

– Пойдем, значит, раз так. Как у вас все это сложно: застенцы, маги.

– Не без этого. Я же уже говорил, люди любят все невероятно усложнять.

Мы выбрались наружу, где я создал форму Компаса. Точнее, представил ее, но влить силу не сумел. Дар бурлил внутри, однако не мог найти выхода. Только когда Ситников громко рассмеялся, до меня дошло, что надо немного отойти от генерал-губернатора. Точнее, от Осадила в его кармане. После чего все получилось. И конечная точка оказалась задана.

Ситников распорядился подать лошадей и взял сопровождение. И мне пришлось, стиснув зубы, садиться верхом. Вряд ли генерал-губернатор является большим поклонником пеших прогулок. Хотя с его весом они бы явно не повредили. Но именно в таком виде мы и выехали из крепости: грузный генерал-губернатор, трое адъютантов и старающийся больше стоять в стременах, чем сидеть, маг с отбитой от

верховой езды задницей.

Чтобы хоть как-то отвлечься от боли, я решил поговорить. К тому же мне нравилось беседовать с Ситниковым. Ему всегда было что сказать по любому поводу.

– Владимир Георгиевич, а как эти Осадила делаются.

– Никак не делаются, – вздохнул тот. – Находились они раньше в ведомстве тайной артефакторной канцелярии Его Величества. Ежели мастер туда попадал, то обратно путь был уже заказан. Ходили слухи, что из тех же сульфуров их сотворяют. Но только далеко не каждый сульфур под это дело подходит. Однако все это не более чем слухи. Бабкины сплетни, вот что.

– И на Падших они действуют?

– А как же. У узкоглазых даже маги-смертники такие были. Шашку свою японскую наточат, Осадило на шею, и вперед. Назывались еще так чудно, на «т», что ли...

– Камикадзе, – подсказал я.

– Точно, камикадзе. Значит, не на «т». В общем, первое время работал даже. А потом Падшие их бить издали начали. Осадило, оно магию нейтрализует, конечно, однако не сразу. Не одномоментно, стало быть. Потому хорошей защитой не является. Если тебя высокоранговый какой маг Кистенем ударит, Осадило силу заклинания, конечно, снизит, но на нет не сведет. Потому и таскать его все время на шее глупо. Ежели помещение какое оградить – еще имеет смысл.

Я кивнул. Пусть и не стал говорить, что у меня по пово-

ду этого камешка имеются свои мысли. Заодно отъехал, чтобы свериться с Компасом – туда ли едем? Оказалось, что помимо заклинаний существует еще кое-что, называемое фотографической памятью. Стоило несколько раз пройти этой дорогой, как я запомнил путь.

– Вот здесь, – спешил я. – Как только я...

– Да понял, Николай, чай, не глупее самовара. Давай уже, показывай, как ты все это проворачиваешь. А я уж тебе после и Осадило отдам.

Я кивнул. Вытащил Перчатку, вложил силу, надел на руку. Сопровождающие генерал-губернатора смотрели на мои действия с некоторым inferнальным ужасом. Наверное, такое же лицо у меня было, когда я впервые увидел Пугало. И вообще понял, что существует магия. Хотя понял ли еще до конца? Вопрос открытый.

Но что для некоторых высшая магия, для других чудо чудное. Вот Ситников глядел хоть и с живым интересом, но без изумления. Явно примерял на себя – смог бы так или нет.

Я же нашел слой реальности своего мира, рванул его и открыл проход домой. Поглядел на генерал-губернатора, тот все понял без слов. Он вытащил Осадило и метко бросил кристалл прямо в прореху между мирами. Я почувствовал, как Перчатка начинает твердеть, а проход на глазах сжимается, и рванул вслед за антимагическим камнем. Даже попрощаться толком не успел. Надеюсь, Ситников войдет в положение и не сочтет мое поведение за невоспитанность.

Уже в своем мире я неторопливо поднялся, отряхиваясь, и подобрал Осадило. Странно, с виду обычный прозрачный камень. Никакой исходящей силы я не почувствовал. Да и по пути домой не ощущал каких-то изменений. Рядовые будни.

Поприветствовал тетю, которая удивилась, что я так рано, а затем отправился к себе. Первым делом достал оставшийся после перехода смартфон и включил. Экран загорелся, сеть появилась. Мне тут же посыпалась куча уведомлений. От Максона, пацанов, старые сообщения от тети Маши.

Я с невыразимой тоской прочитал все, но отвечать не стал. Как давно все это было. Кажется даже, будто в прошлой жизни. И ничего нельзя вернуть обратно, как бы ни хотелось.

Следующее, что меня интересовало – новости. Не та дребедень, которую печатали в местной газете, а самые настоящие новости.

Первым делом я зашел на государственные (а других у нас и не было) СМИ: «мировое сообщество обеспокоено пассивными действиями России в вопросе с магами», «Они не мы: ученые нашли генетические отличия людей от магов», «Уже 34: итоговое число инициированных так называемой магией людей увеличилось».

Интересно, как Россия должна влиять на решение вопроса с магами? Выдавить нас отсюда или позволить этим заниматься другим? По поводу генетических отличий я даже поржал. Хотя бы потому, что ни одного трупа мага у застенцев просто не было. Может, они имели в виду недавно ини-

цированных из своих же? Вполне. Но вряд ли у тех могло что-то так быстро появиться. Скорее всего, утка, чтобы раскачать и без того хрупкие отношения между нами. Это плохо, значит, все же пропаганда ненависти стала поступать с самого верха. Да еще вдобавок и количество инициированных возросло.

После я зашел в несколько крупных новостных групп уже в «Телеграмме», где подтвердил свои догадки. Мировое общество было едино, как никогда. И все они сходились к мысли, что с гадкими магами и Разломами, которые их порождают, надо что-то делать.

Все готовились к войне. Стягивали войска к границам, проводили учения, делали громкие заявления. Мне стало понятно, что сколько веревочке не виться, а конец точно скоро будет. И вряд ли он мне понравится.

Телефон я выключил с гнетущим чувством. Вот не зря говорят, что счастье в неведении. Жил себе мирно и весело, думал о тошкенах и эфери, а тут – на носу последняя мировая война. А что-то мне подсказывает, что маги не захотят просто вскинуть лапки кверху и умереть. Значит, начнется такая заваруха, что мало не покажется всем.

Я дождался нужного часа и отправился к Протопопову. Если в глобальном плане у нас мало времени, то тем более нужно торопиться.

Приехал значительно раньше, чем следовало. Но не возвращаться же обратно. Так и остался у закрытых дверей ма-

стерской. Больше того, прождал около трети часа, пока наконец не увидел шагающего в лицейском мундире Протопова.

– Коля! – просиял он. – Рад видеть.

– Чего так долго? – поежился я.

– Нам сегодня объявление делал господин директор. Что завтра в одиннадцать часов всем предстоит построиться и выслушать приказ Его Величества. Что будет, непонятно. Может, ты в курсе?

– С чего бы? Я ни с Зейфартом, ни с Императором не ко-решу. В смысле, не дружу.

– Заходи, – отпер дверь Макар, впуская меня внутрь. – Там еще кое-что странное произошло.

В мастерской, к слову, было ни черта не теплее. Дошатый сарай очень даже неплохо продувался. Но, видимо, самовну-шение сработало, и я будто бы действительно стал согревать-ся.

– У Дмитриевой припадок был.

– Что еще за припадок?

– Ну, глаза побелели, мышцы будто одеревенели. И гово-рила она чужим голосом.

Я судорожно сглотнул. Вот замечал Лизе, что ей надо на-учиться управлять этим своим даром Вестников. Не слуша-ется же.

– И что она сказала?

– Что смерть привлечет смерть. Кровь откроет врата Пад-

шим. Да она много чего говорила, я не все запомнил. Жутко было.

Мне стало совсем не по себе. Хотелось все прочитанное сегодня списать на пустые угрозы, а припадок Дмитриевой на расшалившуюся фантазию, но внутренний червячок продолжал меня подгрызать. Ох, не совпадение это, совсем не совпадение.

– Тогда тем более нам нужно действовать очень быстро, Макар. Времени нет. Смотри, что я тебе принес.

С ловкостью фокусника я выудил на божий свет Осадило, и Протопопов будто бы даже дышать перестал. Он нервно улыбнулся, после чего осторожно, с большой опаской протянул руку, но тут же ее одернул.

– Бери, бери. Сам же просил.

– Я не думал, что у тебя получится все так... скоро.

– Что тебе еще нужно?

– Вроде, ничего. Я начну прямо сейчас. Необходимая шкатулка у меня есть, надо теперь лишь вывести все контуры в одну точку, а после замкнуть их. Будем надеяться, что получится.

– Будем. Давай, как только появятся новости, сразу дай мне знать. Сейчас очень многое зависит от этой штуки.

– Понял, – серьезно, совсем по-мужицки ответил Протопопов и протянул мне руку.

Я пожал ее. В условиях суровых испытаний дети взрослеют очень быстро. Скажи мне пару месяцев назад, что этот

смешливый мальчишка, который только и думал, как бы послаще устроиться в жизни, станет моим первым помощником, не поверил бы. А теперь... Вон как все меняется.

– Еще кое-что, Макар. Скажи, если бы пришлось переехать. К примеру, в другой город, где тебе предложили бы быть артефактором, согласился? Ингредиентами, сульфарами и прочим тебя обеспечат.

– Если это вопрос, то он очень глупый, – ответил Протопопов. – Если предложение, то очень хорошее. Какой же артефактор от такого откажется?

– Понял. Буду иметь в виду.

Домой не хотелось совершенно, поэтому я поехал в единственное место, где мне было бы не так паршиво – на завод. Открыл дверь в новый футзал ключом и улыбнулся. Пока меня не было, привезли ворота, пусть пока и без сеток. У дальней скамейки лежала аккуратно сложенная форма пацанов. Видимо, решили не носить ее, а переодеваться тут. Чуть подальше валялись перчатки Дмитриевой.

Стоило подумать о ней, как в дверях появилась худая тень. Я еще до того, как обернулся, знал, кто там.

– Что ты тут делаешь? – спросил я.

– Знала, что ты будешь тут, вот и приехала, – ответила Лиза. – У меня сегодня...

– В курсе. Протопопов сказал, я с ним виделся только что.

– У меня первый раз все было так ярко. Ярче, чем реальная жизнь. И это страшно, Коля, – губы Дмитриевой мелко

задрожали. – Я видела, как их убивали. Они...

Лиза первый раз при мне расплакалась. Бесшумно, но при этом довольно сильно. Ее плечи вздрагивали, по щекам текли крупные слезы.

– Кто убивает? Кого?

– Ты сам все увидишь. Я сначала хотела отговорить тебя. Сказать, чтобы ты не ходил. Вот только это ничего не изменит. Совсем.

Я в жизни не любил несколько вещей. Плачущие женщины и люди, говорящие загадками, как раз входили в этот список. Вот только на сей раз разозлиться не успел. Завод сегодня явно стал довольно популярным местом. Потому что в проеме появились еще несколько человек.

– Господин подпоручик, – обратился ко мне незнакомый штабс-капитан из Конвоя его Императорского величества, – Их Превосходительство генерал-лейтенант Киселев требует Вас явиться к себе.

Ого, прям требует? С другой стороны, старик Киселев руководил Императорским Конвоем и был, мягко говоря, не последним человеком в городе. К тому же раз обратились по званию, значит, я сейчас выступаю как военнообязанный. Соответственно, у меня особого выбора нет.

– Мы сопроводим, – чуть дернулись пышные усы штабс-капитана.

Значило это только одно, давай-ка поторапливайся или мы притащим тебя силой. Конечно, против меня в магиче-

ском плане и штабс-капитан, и все его люди, что блохи на спине огромного ретривера, вот только – что потом? Еще не хватало мне объявлять войну всей Империи из-за не совсем учтивого обращения.

– Все нормально, – я отдал ключ Дмитриевой. – Закрой тут все, ну, или дождись Фиму. Вы же сегодня тренируетесь?

Лиза всхлипнула и кивнула. А я вышел. Штабс-капитан хотя бы избавил меня от необходимости успокаивать девушку. Да и, судя по всему, она, вроде, пришла в себя. Клины выбили клином, а старый стресс заменили новым.

Меня зажали в пролетке с двух сторон, как в самых дешевых боевиках, которые крутят по «НТВ». Хотя я понимал, это просто психологическое давление, не более того. Но уловка удалась. Я находился в невероятном напряжении, пытаюсь понять, что означает этот вызов.

Раньше мне казалось, что моя «крыша», в смысле, Максудов, избавил меня от всяческих ненужных встреч. С тем же Императором, например. И вот теперь выясняется, что это не совсем так. Или, может, Максудова тоже прижали? Это было бы плохой новостью.

Гадать пришлось недолго. До Меншиковского дворца, несмотря на расстояние, мы докатили достаточно быстро. Ну да, возникший же у них свой человек, а не просто ванька с улицы. Ему сказали: «Срочно», он приказ и выполнил.

По коридорам меня вели почти как заключенного. Впереди, с боков и сзади по человеку. Встречные гражданские чи-

новники и военные уступали дорогу, с интересом поглядывая вслед. Я тоже понимал, что ведут меня явно не на чай с пряниками.

Наконец мы достигли нужного кабинета и после непродолжительного ожидания меня впустили внутрь. Причем одного, без сопровождения. Я вошел, пытаясь унять громко стучащее сердце. И вновь удивился. В кабинете помимо знакомого мне Киселева находился не менее знакомый Максудов. Живой и здоровый.

– Ваше Превосходительство, подпоручик Ирмер-Куликов по Вашему приказанию прибыл, – сказал я с некоторой долей иронии. Впрочем, ее Киселев пропустил мимо ушей.

– Вольно, подпоручик. Поздравляю Вас, юноша, с этого дня Вы переведены в личный Конвой Его Императорского Величества. И завтра поедете в качестве одного из сопровождающих за Стену. Штабс-капитан Рохтиев проинструктирует Вас, потом Вы отправитесь за формой и оружием. И самое главное: все, что Вы теперь услышите, не должно покидать Вашей светлой головы.

Я слушал все это с широко открытым ртом. В отличие от Максудова, который явно наслаждался моментом. И судя по смеху в его глазах, приложил немалое усилие в моем назначении.

Глава 5

Что необходимо было отметить, мне невероятно шла темная форма Конвоя Его Императорского величества. Из явных неудобств – сабля при ходьбе била по бедру, а кобура с револьвером непривычно тянула вниз. Да и зачем нужен этот револьвер – совершенно непонятно. Во-первых, магией намного ловчее орудовать. Во-вторых, я из него попросту не умею стрелять.

Тетя к новому назначению отнеслась спокойно. Лишь отметила, что мне очень идет этот мундир. Больше, чем лицейский. Илларион же минут десять не мог вымолвить ни слова. А после продолжительного молчания принялся поздравлять меня. По его мнению, большего в жизни и желать нельзя.

К слову, я его понимал. После долгой и плодотворной беседы с штабс-капитаном Рохтиевым мне удалось уяснить несколько вещей.

Во-первых, «все, что происходит в Лас-Вегасе, остается в Лас-Вегасе». Иными словами, все происходящее в Конвое оказалось окутано необычайной таинственностью. И если тебе сказали «секретно», то подобное означало не просто, что нельзя говорить о приказах в кабаках или других неприличных заведениях. Об этом даже думать лишний раз не рекомендовалось. Услышал и проглотил вместе с языком.

Во-вторых, Конвой был государством внутри государства.

Мы не подчинялись никому, кроме вышестоящих офицеров из собственной же структуры и, само собой, Его Императорского Величества. Большая часть военных нас боялась, уважала и ужасно хотела переодеться в темную форму Конвоя.

В-третьих, помимо чесания ЧСВ, служба здесь хорошо оплачивалась. Значительно выше даже, чем в Третьем отделении и гвардейском кавалерийском корпусе. Плюс существовали всякие премии, дополнительные выплаты, прибавки за выслугу и прочее, прочее. Видимо, оттого Илларион пребывал в таком приподнятом настроении. Он считал, что отныне моя жизнь станет слаще клубничного варенья.

Я же особой эйфории от перемен в собственной карьере не испытывал. Деньги после вскрытия сейфа Ирмера мне были не особо нужны. Вирусом власти и «вахтерства» заразиться не успел. Поэтому наслаждаться тем, что я могу смотреть свысока на других, а изредка даже поплевывать на плешивые макушки, не получалось. А секретность и вообще само это назначение довольно сильно напрягали. Для чего так сделал Максутов? А что провернул именно он, у меня никаких сомнений не возникало.

Самым банальным действием было бы – поехать к нему и спросить. Мол, какого черта, уважаемое Ваше Превосходительство, происходит? Однако я пошел по пути другой логики. Если он не счел нужным говорить, то смысла за ним бегать нет никакого. Захочет – приедет и сам все расскажет.

Не знаю, то ли я в последнее время стал до такой степе-

ни мудрым, то ли Максutowa заинтересовало мое равнодушие, но аккурат к ужину князь посетил мой дом. Пожираемый глазами Лады, он под сильным нажимом тети Маши присоединился к нашему скромному (ага, как же) ужину. И тётя ему сразу налила полную тарелку борща.

– Нравится мне у вас, – улыбнулся Максutow. – Такая обстановка вольная. Дворяне вместе с простолюдинами, люди вместе с прирученными созданиями.

При этих словах соседучко нервно икнул и покосился в сторону тети, как своего главного защитника. Пал Палыч сейчас сделал бы все, чтобы оказаться где-нибудь в другом месте.

– Какие же мы дворяне? – возразила тетя Маша. – Такие же простолюдины, как Илларион или Лада. Просто так совпало. Вытащили счастливый билет.

– Просто так ничего не бывает, – поднял палец перед собой Его Превосходительство. – Для этого должны сойтись в одном месте определенные обстоятельства. Не подадите хлеб?

– Вам черный или белый? – спросил я, глядя прямо ему в глаза.

– Черный. С недавнего времени стал больше есть его.

– Странно, всегда думал, что Вы любите белый, – заметил я.

– Времена меняются. Приходится искать более интересные вкусовые ассоциации для удовлетворения нужд живота.

– Иногда от незнакомых продуктов может начаться несварение, – контратаковал я.

– Коля, брось глупости говорить, – вмешалась тетя Маша в наш разговор, не понимая его истинную подоплеку. – Какое несварение? У меня все свежее.

Она замолчала, однако волна беседы с элементами пикировок была потеряна. Мы молча доели первое, затем второе, неторопливо попили чай с десертом, и только потом Максудов поблагодарил тетю Машу и попросил меня на два слова.

В кабинете он присел в свободное кресло, достал свою вишневую сигаретку и мундштук.

– Итак, я готов ответить на твои вопросы, – затянулся он.

– Вы и так их знаете, поэтому я готов выслушать все без лишних прелюдий. Чтобы сэкономить нам обоим время, – я подошел к окну и приоткрыл его. Да, снаружи был не май месяц, но холод я переносил лучше, чем табачный дым.

– Это назначение ничего не изменит в твоей жизни, – стал неторопливо рассказывать Максудов. – Никаких караулов и ежедневной службы. Лишь изредка придется сопровождать Императора. Именно для этого тебя и перевели. Маг первого ранга в Конвое – это не мелочи.

– Маг первого ранга, который может скоро склеить ласты.

– Прости, что?

– Отдать Богу душу. Мне надо заниматься поисками ученика Ирмера, а не этими придворными интригами.

– Боюсь, тут дело не совсем в придворных интригах. Все

гораздо масштабнее. И важен каждый маг первого ранга.

– Что-то случилось? – насторожился я.

– Случилось. Вестник сделал Пророчество.

– Вестники все время что-нибудь предсказывают, что с того?

– Иногда я даже завидую твоему свободному от всей этой магической чуши уму, – вздохнул Максутов, стряхивая пепел. – Ты прав, Вестники часто что-нибудь предсказывают. Но единицы из них, самые талантливые и сильные, способны напорочить. Мне трудно это объяснить.

– Постарайтесь, Ваше Превосходительство.

– Предсказание – возможность происхождения какого-то события. В нем всегда некоторая доля вероятности. Вроде может произойти, а вроде и нет. А вот Пророчество – то, что произойдет в любом случае. Как говорят застенцы: «на сто процентов». Это отнимает у Вестника много сил, изредка даже убивает его, но результат того стоит.

– Как добиться от Вестника Пророчества?

– Ох, – Максутов в этот момент затягивался, поэтому данный вопрос застал его врасплох. Князю пришлось откашляться, после чего он утер выступившие слезы. – Еще спроси, как быстро разбогатеть или прожить двести лет?

– Быстро разбогатеть можно только преступным путем, а чтобы прожить двести лет нужно всего лишь не лезть ни в какие дразги и быть магом, – пожал я плечами.

– Действительно, какая малость... – усмехнулся Максу-

тов. Он снова затянулся и продолжил уже более серьезно. – Никто не знает, как делаются Пророчества. Говорят, что для этого попросту приходит срок. Вот скажи кто-нибудь, что наш Вельмар способен на Пророчество, я бы в лицо этому лжецу рассмеялся. А видишь, как все получилось.

– И что же он напроорочил?

– Скоро узнаешь. Но всему свое время. Как твои успехи с поиском ученика Ирмера?

– Выходят на финишную прямую, – ответил я. – Если бы еще не отвлекали.

– Тут ничего не попишешь, – развел руками Максутов. – Больше хранить тайну о твоём ранге не имеет смысла. К тому же ты сам проговорился Зейфарту, что собираешься сдавать экзамен на второй ранг. Что знают двое, знает и свинья.

Вот ведь, блин, господин директор! Договорились же, что все останется между нами. Видимо, я слишком наивный.

– Самокритично, – позволил я себе уколоть Максутова.

– Речь не обо мне. Лучше скажи, для чего тебе этот экстернат нужен?

– Чтобы в лицей не ходить. Сами же сказали, что мой ранг не удастся долго скрывать. Я считаю, что вполне реально за оставшийся месяц найти Александра и разобраться с собственным телом.

– За оставшийся месяц, – почему-то горько усмехнулся Максутов. – Ну, пусть будет так. Приказ на завтра ты получил?

– Да, – кивнул я. – Явиться в девять утра к первому посту для получения дальнейших распоряжений.

– Хорошо, там и увидимся.

– Вы тоже едете? – удивился я.

– Тоже, – ответил Максutow, поднимаясь на ноги. – До скорого, Николай.

Я выдохнул, пытаясь собрать мысли в кучу. Ох, намутил что-то Максutow. Хотя нет, не он. Видимо, всему причиной то самое Пророчество от главного Вестника Империи. Интересно, что же он такого сообщил в нем? Что завтра надо срочно закупить биткоины? Забавно было бы посмотреть, если бы Пророчество не сработало.

Завтрашний день предстоял невероятно важным. И что же я сделал, чтобы быть максимально готовым к нему? Конечно же полночи не спал. Ворочался с боку на бок, рисовал себе яркие картинки. Бурная фантазия – она такая. У меня раньше так часто было перед ответственными матчами. Тут бы сил набраться, а сна, как назло, ни в одном глазу.

Поднялся утром я на морально-волевом усилии. Не хватало еще опоздать в первый день службы. Помогла холодная вода и крепкий черный чай. Поэтому без четверти девять я уже стоял возле поста, припорошенный первым снегом. Правда, тот таял, едва касаясь брусчатки, и оставлял после себя грязную кашу. Настроения это, само собой, не прибавляло.

Большая часть Конвоя прибыла одновременно, некото-

рые, преимущественно унтер-офицерские чины, подтягивались самостоятельно. На правах сильного колдуна я прощупал присутствующих и понял, что здесь нет магов ниже четвертого ранга. Это с виду здесь всего с три десятка сопровождающих, на деле же – небольшая армия с поражающей ударной мощностью, а в силу малой численности еще и мобильная.

Минут без пяти на одном экипаже прибыли Максотов, Ерофеев (дворянин из высших магов) и, к моему немалому удивлению, живой и здоровый Голубев. Не думал, что его так быстро поставят на ноги. К тому же сульфар-то мы с Его Превосходительством выкрали.

Несмотря на бравый вид, наполнение Голубева оставляло желать лучшего. По моим прикидкам, он едва дотягивал до второго ранга, ему бы еще пару дней отлежаться. Но если берут в дело не вполне здорового мага, оставив в резерве единичек, значит, последние нужны именно здесь. Зачем? Я даже вспотел от внутреннего напряжения. Что ни час, то вопросы.

Ко мне подошел штабс-капитан Рохтиев, невысокий коренастый мужчина лет сорока. Идеальная осанка чуть компенсировала едва намечающийся животик. Да и магом Рохтиев был неплохим, третий ранг как никак. Именно его, судя по всему, назначили моим личным проводником в Конвое.

– Ирмер-Куликов, тебе оказана великая честь...

«Опять», – внутренне произнес я. Хорошо, что сдержался

и не закатил глаза.

– Поедешь на запятках императорской кареты, – продолжал Рохтиев. – Твоя главная задача – обеспечение безопасности Его Императорского Величества. Живота своего не жалеешь, а с Его Величества и волос не должен упасть. Понял?

– Так точно! – пытаюсь придать дебильный энтузиазм своему лицу (слышал, военные это очень любят), ответил я.

Рохтиева тон ответа вполне удовлетворил. Он довольно кивнул и отошел в сторону. А мы, тем временем, ожидали главное действующее лицо данного представления – Императора.

Надо отметить, что Его Величество прибыл без всяких опозданий. На меня он взглянул мельком, но не удостоил даже кивка. Сделал вид, что либо впервые видит новоиспеченного личного телохранителя, либо я не достоин приветствия. Не больно-то и надо.

Границу мы перешли пешком, и уже на той стороне нас рассадили по подготовленным каретам. Тем самым, сделанным по спецзаказу. Точнее, господ рассадили. Мне, как уже было сказано, досталось место на запятках, то есть снаружи на задней части кареты. Рядом ловко вцепился в крышу дюжий молодец лет тридцати, аж второго ранга. Я заметил лишь Сферу Неприятя, которую накинул мой коллега. И последовал его примеру. Как выяснилось позже, не зря. Едва карета набрала ход и выехала на более широкую улицу, как завыл ветер и заморосил мелкий дождь.

Подобная манера путешествия оказалась еще более неудобной, чем скачка по небу на моем кьярде. Пальцы довольно скоро одеревенели от постоянного напряжения, ноги затекли. А ехать пришлось до самой площади Славы.

Что интересно: несмотря на многочисленное оцепление, на этот раз нас сопровождали хмурые лица самарцев. Я дважды видел, как кто-то из толпы попытался поднять плакат. В первом случае его успели скрутить, а во втором Его Величество успел секунды три понаслаждаться фразой из трех слов: «Маги, убирайтесь обратно!». Общественное мнение качнулось в нежелательную для Императора сторону. И создавалось ощущение, что точка невозврата уже пройдена.

Когда мы достигли Площади Славы, я еле отлип от кареты. Мышцы отказывались слушаться, а это при том, что у меня подготовленное спортивными нагрузками тело. Коллега по запяткам хоть и ничего не сказал, но вид у него был соответствующий. Правда, как только к нам приблизился знакомый штабс-капитан Рохтиев, мы оба вытянулись в струнку.

– Подпоручик, – обратился он ко мне, – будешь сопровождать Его Императорское Величество. Магию не использовать до тех пор, пока не появится угроза жизни Его Величества. Понятно?

– Так точно! – отреагировал я.

Хотя откровенно не понимал, для чего? Романов меня так любит, что есть не может. И окажись мы оба в чистом поле, то рядом гадить не станет. А между тем именно он, в этом

я не сомневался, решил, что я должен сопровождать императорскую задницу. Не могу выразить, как подобное сочетание мне не понравилось. По одной простой причине – я не понимал, что замыслил Романов. А хорошее наш Император редко придумывал.

Однако отказаться я не мог. Что скажу: «Извините, я тут все переосмыслил, и у меня есть парочка замечаний...». Назвался груздем, полезай в императорский кузов.

Надо заметить, что сопровождение Императора и так было достаточно многочисленным и внушительным по магической мощи. Максутов, Киселев, пара магов первого ранга и несколько человек из Конвоя. Будто не на встречу с президентом собрались, а на войну. От последнего сравнения меня самого покорило.

В самарском «белом доме» я никогда не был. Как-то не довелось. Поэтому сейчас не без любопытства оглядывал белый мраморный пол, бордовые ковровые дорожки и широкие лестничные пролеты. Дорого, богато. Нас провели в большой зал, где невысокий крепкий человек в строгом костюме уже ожидал Его Императорское Величество. С запозданием я узнал президента своей бывшей страны.

В зале вообще было многолюдно. Помимо нескольких десятков хмурых людей в черных костюмах (надо же, сколько здесь охраны), неподалеку стояли журналисты и операторы. С противоположной стороны в три шеренги выстроились какие-то странные люди в серых комбинезонах без опознава-

тельных знаков. Разного пола, возраста, и явно социального положения. Вон та холеная женщина тратит в месяц на процедуры омоложения больше, чем несколько самарских семей на жите-бытье, а дед рядом – напротив выглядел так плохо, как только может выглядеть человек, давно употребляющий дешевую водочку. Да что там, даже один негр здесь был. Сомневаюсь, что его для соблюдения толерантности сюда поставили. И что самое интересное, большая часть «серых комбинезонов» оказались детьми.

У меня родились определенные мысли по поводу этих «неопознанных» товарищей. И я даже попытался прощупать их на предмет магии. Но наказ Рохтиева я помнил. Небольшой всплеск магии может вывести из строя все камеры. И меня тогда по головке не погладят.

– Приветствую Вас, Виталий Витальевич – улыбнулся Император, направляясь к президенту.

Тот кивнул, сделал несколько шагов навстречу и пожал ему руку. От меня не ускользнуло насколько напряжен правитель застенцев. Тьфу ты, каких застенцев? Моих бывших соотечественников.

– Сначала несколько слов для прессы, – сказал он Романову.

Президент указал место, куда должен встать Император, после чего их долго слепили вспышками камер. А затем Виталий Витальевич стал говорить.

– Сегодня мы заключаем новое дополнительное соглаше-

ние с нашими иномирными партнерами. Всем известно, что в последнее время магия распространилась далеко за пределы... Города. И многие из наших соотечественников стали ей подвержены. Его Императорское Величество и его кабинет министров решили принять активное участие в обучении наших людей этому сложному ремеслу. Чтобы в дальнейшем...

Романов панибратски похлопал рукой президента по плечу, а другую поднял вверх, привлекая внимание. Фотоаппараты защелкали еще активнее, а Виталий Витальевич осекся и покраснел.

– Мне нужно сделать заявление. Для всего мира. Ведь нас снимают. Итак, никакого соглашения не будет. Это лишь предлог, чтобы мы собрались сегодня здесь сами и собрали этих так называемых инициированных. Мимо нас не прошли те настроения, источником которых является руководство не только этой страны, но и других стран. И вы вынудили нас реагировать. Сегодня вы, застенцы, ощутите истинную мощь магии. Многие ваши так называемые стратегические объекты превратятся в пыль. В назидание всем остальным. А руководство, которое вы сами выбрали, и которое привело к этой чудовищной ошибке, отправится к праотцам. Поэтому я повторю слова великого русского князя: «Сегодня, застенцы, я иду на Вы».

Все это время Романов не убирал руку с плеча президента. Поэтому договорив последние слова он перевел взгляд с

многочисленных камер на Виталия Витальевича. И тот рухнул, как подкошенный.

Глава 6

Форма заклинания была самая простая. И называлась Укол. Всего лишь седьмой ранг, да вдобавок работала исключительно при прикосновении. На мага бы не подействовала, у того автоматом выплеснулась бы сила, снизив эффект. А вот на недома влияние оказалось смертоносным. Невероятно простая форма, и не менее результативный итог.

Президент с проткнутым насквозь сердцем свалился на постеленный поверх белого мрамора бордовый ковер, заливая его тягучей вязкой кровью. А десятки ошарашенных людей сохранили на своих лицах маски полного офигевания, глядя на смерть гаранта конституции.

Охрана из ФСО среагировала с небольшой задержкой после того, как упал Виталий Витальевич. Застрекотали пистолеты, несколько спецов кинулись к президенту, запоздало превращая черные чемоданчики в пуленепробиваемые щиты. И тут начали действовать маги.

Киселев, невероятно проворно для своего возраста и комплекции, выскочил вперед, отправляя Императора за спину, и взмахнул Плетью, ударив наотмашь. На пол повалились разрубленные тела охраны, журналистов, полетели разрезанные, словно сыр острым ножом, штативы и камеры. Заклинание пятого ранга в руках сильного мага выглядело невероятно ужасающе.

Максутов кинул на дрогнувших «серых комбинезонов», попытавшихся броситься в разные стороны, сразу несколько форм с Вихрем мечей. Заклинание подобно голодному зверю помчалось навстречу людям, оставляя после себя изуродованные тела и отрубленные конечности. Маги из Конвоя лишь перебили тех, кому удалось выжить в первую минуту этого зверства.

Прошло не больше десяти секунд, а в некогда торжественном зале теперь наступила не менее торжественная гробовая тишина. Попытка сопротивления оказалась подавлена необычайно жестко и быстро, и не оставила надежды на спасение. Хотя какое спасение? Ни у кого здесь не было ни малейшего шанса. Маги пришли убивать.

Ошметки тел оказались разбросаны не только по полу, но и по стенам. Ковер все больше пропитывался подступающей кровью и теперь походил на грязную мокрую тряпку. И тут я не выдержал.

Громкие звуки тошноты словно разбудили магов, находившихся в сосредоточенном оцепенении. Император обернулся на меня, губы его презрительно дернулись. Затем он заговорил с Максуповым.

– Жаль, что камеры уже не работают. Я бы хотел, чтобы застенцы посмотрели, что мы сделали.

– Надо уходить, Ваше Величество. Немного времени у нас есть, но скоро они оправятся.

– Ты прав. Пойдем.

Той же процессией, которой пришли сюда для якобы переговоров о сотрудничестве, маги покинули зал. Чуть подумав, я бросился за ними, утирая рот и судорожно соображая.

Вот зачем был нужен этот перевод в Конвой. Вот для чего меня взяли сюда. Чтобы отрезать путь отступления, чтобы лишить возможности выбора. Отныне я был одним из тех магов, кто устроил побоище в самарском «белом доме». Одним из тех, кто начал войну. Теперь я враг для всего мира.

Когда открылись массивные двустворчатые двери, сначала я услышал шум. Рев обезумевшей от страха толпы, крики умирающих людей, визги стирающихся автомобильных покрышек, магические взрывы и редкие короткие выстрелы. Которых с каждой секундой становилось все меньше.

Оставшаяся снаружи охрана тоже не осталась без дела, довольно легко и быстро разобравшись с внешним оцеплением. Несколько разрушительных заклинаний полетело в толпу. Маги не выбирали себе целью лишь вооруженных людей. Для них все застенцы были врагами. Нелюдями, которых нужно уничтожить.

Кто-то схватил меня за шкурку и буквально подтащил к карете. Запоздало я понял, что это Рохтиев.

– Защитные заклинания на себя и на Императора! – рявкнул он. – Мы возвращаемся.

У меня в горле встал ком, а губу пришлось закусить, чтобы не расплакаться. Глупый мальчишка. В какой-то момент ты действительно подумал, что твое слово в этом мире имеет

вес. Но тебя использовали как разменную монету. Попросту сделали козлом отпущения.

Наверное, в этот момент я был готов на все. И именно тогда рядом оказался Максutow, когда остальные почти все заняли места в каретах.

– Николай, без глупостей. Это было predetermined. Сейчас нам нужно вернуться обратно, а уже потом мы будем думать о том, что делать. Хорошо?

Не знаю почему, но я кивнул. И даже занял свое место на запятках, все еще находясь в состоянии шока. Единственное, что я мог бы сейчас сделать – встать в позу и сказать, что никуда не поеду. И что тогда? Если меня не убьют маги, то это сделают застенцы, как только оправятся от шока.

Когда рядом с трудом встал мой «коллега», я не смог сдержать коварного злорадства. Конвойный был ранен в правую руку и явно ослаб. Но вместе с тем я поддержал его, только теперь обратив внимание, что даже внезапная атака магов не прошла без потерь.

Еще парочку моих «соотечественников» ранили, одного убили. Сейчас его как раз затаскивали в карету. Зачем? Балда, ну ясно же. Застенцы не должны увидеть наши трупы. Пусть думают, что brave маги обошлись без потерь и все такое.

Когда извозчик, которым вместо недома теперь стал один из конвойных, хлестнул лошадей, я чуть не свалился с запяток. Запряженная двойка понесла так, что мне казалось,

еще чуть-чуть, и карета попросту опрокинется. И вместе с ней грохнемся мы. Но прошла минута, потом вторая. Экипаж трясло на самарских улицах, трясло и нас вместе с ним, но мы держались.

Какое-то время нас даже не пытались останавливать. Видимо, приказ, что делать с магами еще не поступил, и в МВД, да и ФСБ, царил легкий хаос. Насколько я помню, в новейшей истории с правителями нашей страны подобного не случилось. Конечно же, протокол для данного инцидента существовал, однако теория и практика – это, как известно, две большие разницы.

После Полевой по нам стали стрелять несколько одиночных патрулей, которые все же решили отреагировать на убийство президента. Вопреки моему ожиданию, маги не отвечали. Все наши силы ушли на поддержание и индивидуальных, и общих защитных заклинаний. Думаю, если бы сейчас нам навстречу попало несколько танков, то и они бы решительно ничего не смогли сделать. Что до пуль, те отскакивали от нас, как шелуха от семечек.

И только оказавшись на Московском шоссе, мы встретили первое внушительное заграждение. К полицейским машинам присоединились и военные, двумя рядами перегородив дорогу. Я насчитал около четырех десятков вооруженных людей. Испуганных людей, которым приказали совершить немыслимое – остановить нас.

Не знаю, кто применил заклинание. Судя по его масшта-

бам – кто-то из «единичек». Кавалькада авто разлетелась в разные стороны, открывая проход. Сминая фонарные столбы, сшибая людей. А мы даже не сбавили ни на секунду хода, продолжая свою гонку.

Меня не покидало ощущение, что я сплю. Понимаю это, однако все не могу проснуться. Происходящее было иррациональным, чудовищным по своему масштабу и глупости. Мы объявили войну! Зачем? Во имя чего?

На Гагарина нам встретилось еще одно заграждение, которое повторило участь своих предшественников. Правда, на этот раз удар был сильнее предыдущего. После него потрескался асфальт, вылетели окна в ближайших домах. Тех же несчастных, которые нашли свое укрытие за машинами, разнесло на части.

В ушах звенело. В голове поселился несмолкающий крик какой-то женщины и детский плач. А еще голоса умирающих, раненых, невредимых, но ставших свидетелями этой чудовищной гонки. Я ехал вцепившись одной рукой в карету, а другой поддерживал раненого конвойного, которому становилось все хуже. Даже показалось, что не довезем.

На Революционной, когда до Города оставалось рукой подать, меня ожидал очередной сюрприз. Над Петербургом завис переливающийся купол. Новая стена, отличающаяся от прежней толщиной и многослойностью заклиний. Теперь я это чувствовал совершенно точно.

Прошлая система защиты походила на бронезилет поли-

дейского, тогда как новая скорее напоминала танковую броню. А еще... еще в округе также началась заваруха.

Помимо магов, которые оставались на посту в Городе, мы увидели подернутые сажей дома, убитых военных-застенцев и многочисленных туристов, которые на свою беду решили посмотреть на возвращение Императора. Только теперь, с невероятным запозданием, над Самарой зазвучал грозный ревун, возвещающий об опасности. А кавалькада карет уже достигла Города.

На краткий миг Стена расступилась, принимая обратно своих граждан, а когда все маги, включая постовых, оказались внутри, сошлась снова. И мы остановились.

Кто-то тут же помог раненому спуститься, и его проворно куда-то увели. Император и свита неторопливо выходили из карет, с благодушными лицами, улыбаясь, о чем-то переговариваясь. Они перебрасывались хвастливыми фразами о собственном вкладе в успех предприятия, словно речь шла о готовке шашлыка. словно все случившееся было в порядке вещей.

И теперь, когда первый и основной шок прошел, меня потрясло. Заколотило так, будто поднялась температура. Колени подкосились, и я рухнул на землю, как если бы неожиданно разучился ходить.

– Ты в порядке? – склонился надо мной Максутов.

– Нет, – честно признался я. – Как после всего этого можно быть в порядке?

– Поднимайся, – протянул мне руку князь. – И пойдём. Думаю, ты хочешь немного поговорить.

Все, что я сейчас хотел – провалиться сквозь землю. Лишь бы не видеть эти довольные физиономии. Однако единственный вариант сделать это был в том, чтобы уехать отсюда с Максutowым.

– Господин штабс-капитан, – поверх голов обратился к кому-то князь. – Я забираю Ирмер-Куликова. Он мне нужен.

– Да, конечно, Ваше Превосходительство, – узнал я голос Рохтиева.

И отметил для себя кое-что. В иерархии подчинения Конвой добавилась ещё одна переменная – Максutow. Значит, что-то изменилось в положении моего покровителя за последнее время.

На набережной было немногочисленно, как и в любое утро. Мы молча шли под непроглядной пеленой хмурого неба. Я лишь с удивлением отметил, что здесь нет ни ветра, ни морозящего дождя. И понял, в чём дело. Стена не пропускала даже этого. Одна мысль о щите вновь повергла меня в уныние.

Максutow поймал экипаж и назвал адрес. Какой-то знакомый, но при этом не мой. Добавив извозчику: «Не гони, мы не торопимся». Следом соорудил какую-то незнакомую мне форму заклинания, отчего уши заложило, словно я нырнул под воду. Ага, видимо, чтобы нас никто не услышал.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – сказал он, стараясь не

смотреть в глаза.

– Понимаете?

– Когда мне было чуть больше двадцати, я участвовал в подавлении мятежа в Польше. Помимо виновных тогда погибло очень много простых людей. И тогда мне тоже казалось, что все это... неправильно.

– А теперь так не кажется?

– Теперь я вижу все по-другому. Это было, скорее, неизбежно. Понимаешь, управление страной всегда подразумевает совершение неких непопулярных деяний. непопулярных на первый взгляд. Со временем человеческие жертвы уходят в разряд цифр, а само событие лишь становится короткой строкой в исторических учебниках. Наверное, это звучит несколько жестоко...

Максутов достал свою вишневую сигарету, покрутил ее, но прикуривать не стал.

– Я просто не понимаю зачем? – задал я вопрос, мучивший меня все это время.

– Либо мы, либо они, – ответил князь. – С каждым днем тиски все сильнее сжимались вокруг нас. Но все сошлось в одной точке: Пророчество, упреждающий удар, перехват инициативы.

– Больше всего меня убивает вот это сослагательное наклонение! – взорвался я. – А что если нет? Что если ничего бы не произошло? Что если удалось бы договориться? И надо было договариваться.

– Часто не все может решиться словами.

– Мне это напоминает оправдания здравенного бугая, который обидел пацана младше себя. И если до этого дошло, то насколько хороша наша так называемая дипломатия?

– Может быть, ты в чем-то и прав, – ответил Максутов. – Народ зачастую приписывает правителям свойства, которыми те не обладают. Но жизнь – суровая вещь. В ней все ошибаются.

– И вы понимаете, что все случившееся сегодня вскорости станет ошибкой?

– Нет! – твердо ответил князь. – Потому что Пророчество...

– Да, да, но все ли мог предречь Вестник? Блицкриг, победа, все идет по плану. Так? Но не повлечет ли все это события, которые нельзя предсказать? Те, о которых в итоге пожалеют все? И застенцы, и мы?

Максутов промолчал, продолжая крутить в руках сигарету.

– Сегодня пополудни в газетах появится сообщение о начале войны, – наконец произнес он. – Или о неотвратимости нападения для защиты наших интересов и сохранения Империи. В формулировках я не силен, оставим все это на совести журналистов. Народ поддержит Императора.

– Поддержит ли? – усомнился я.

– Часть аристократов и торговцев, которые установили тесные связи с застенцами, возможно, немного поропщут.

Но их немного и в открытую они не выскажутся. А вот простой народ будет за Императора, пока война не коснется их лично. А до этого, думаю, у нас не дойдет. Лицеисты встанут в ружье, военным отменят отпуска и увольнительные, возможно, наберем часть резервов из недовомов для обслуживания магов. Несколько дней будет некое брожение, а потом все утихнет. Пока еще мы управляем Империей.

– Городом, – твердо отчеканил я. – Не Империей. Империя осталась там, где Ситников, разрушенный Петербург и темный в ночи Ульяновск.

– Империя в головах, а не количествах земель под нашим владением – возразил Максутов. – Пока живы свидетели былой славы, так и будет. Но я не об этом.

Он наконец вытащил мундштук и прикурил сигарету. Затянулся несколько раз, поморщился. Будто любимое занятие не доставляло теперь ему удовольствия.

– Главная речь не о них, а о тебе. Как ты справишься со случившимся?

Я промолчал. Хотя бы потому, что ответа у меня действительно не было. Иногда так бывает, что ты совершенно не готов к реальности. Как бы жизнь тебя ни была. Всегда случается что-то, что может сломать любого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.